

28
I

Переплетная Мастерская
"ЗНАНИЕ"
Тяньцзинь

I
2428

"НОВИИ"

Мф KI
28237

2428.
947

1583

Бор. Суворин,

Б а р о н

„СКУПОЙ РЫЦАРЬ“.

Книгоиздательство

А. П. Малык и В. П. Камкина.

1932

Шанхай.

1932

Всѣ права сохранены
за автором.

Книга отпечатана
в собственной типографіи
издательства.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

94
II 198 РК 1190/13

2801

Барон.

Повесть • быль

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
ЮР. БЪЛЯЕВА.

«У всякаго барона
своя фантазія.»

ОТ АВТОРА.

Повѣсть „Барон“ имѣет свою исторію и поэтому я хотѣл-бы предпослать ее самому разсказу.

Самый барон дѣйствительно существовал и разсказы о нем я слышал от моего стараго друга и однопольчанина барона ротмистра С.

Так как С. был дружен с покойным Юр. Бѣляевым, то я как-то спросил его, почему он не дал этой такой Петербургской темы Бѣляеву. С. увѣрил меня, что не только жизнь барона была извѣстна Бѣляеву, но что тот обѣщал написать о нем повѣсть. Поэтому я посвятил ее моему умершему другу.

В главных чертах темы я не уклонялся от разсказов С. Вѣрны многія детали: сватовство, свадьба с цыганами, сцена с наслѣдниками, да и многое другое. Имена конечно всѣ вымышленныя.

Это дѣйствительно повѣсть-быль, конечно прикрашенная. Удалось-ли мнѣ придать этому разсказу вѣроятность и быт, окружавшій моего героя, судить будет мой читатель.

АВТОР.

ГЛАВА I:

Дѣла давно минувшихъ дней...

Барон проснулся, какъ часто с нимъ бывало, почти одѣтымъ, на узкомъ кожаномъ диванчикѣ бильярдной собранія своего полка.

Было уже поздно. Наступалъ часъ завтрака.

Барон потянулся и громко и отчетливо, какъ всегда, произнесъ сакраментальную фразу: «Вотъ это-жизнь».

Потомъ, перекрестившись, онъ всталъ и громко и истово пропѣлъ: «Боже, Царя храни».

Это была утренняя молитва барона Бодэ фонъ Боденштейна, и такъ всегда начинался его день.

Потомъ онъ пошелъ в уборную, наскоро помылся, одѣлся и съ нѣкоторой торжественностью вошелъ в столовую собранія, куда уже собирались господа офицеры.

* * *

Все это происходило в незапамятные года, когда была Россія, былъ Петергофъ и были лейб-гвардіи полки.

Да и самъ баронъ Бодэ фонъ Боденштейн, котораго всѣ называли только первымъ именемъ, былъ в полку с незапамятныхъ временъ. В то время представитъ себѣ собраніе славнаго полка безъ барона было невозможно. Его годы и почетъ, которымъ онъ былъ окруженъ, давали ему возможность мало интересоваться службой в строю. Дослужившись до чина ротмистра и не будучи честолюбивъ, онъ не искалъ отличій и жилъ себѣ в Петергофѣ, почти никогда не покидая его, среди прекраснаго парка, гдѣ было собраніе и офицерскія дачи.

Если ночью, запоздавший офицер полка, возвращаясь домой, видѣл полоску свѣта в окнах собранія, было несомнѣнно, что барон там.

Его и называли „пулькой для алкоголиков“, так как всегда - днем, утром, вечером и ночью он готов был выпить с новоприбывшим. Но и в этом у барона была своя традиція, от которой он никогда не отступал.

Пил барон только коньяк и самый дешевый — коньяк Сарраджіева. Ничего другого он не пил и не пил даже другого коньяку.

Когда то в молодости он с такими же, как и он, любителями выпить, устроили под Красным Селом нѣчто вродѣ клуба. Про них шла слава, и даже незнакомые пріѣзжали на них посмотреть. Стол был всегда накрыт и вѣстовые смѣнялись в три смѣны. Пили они водку и коньяк. В торжественных случаях и во время посѣщенія гостей, подавался крѣшон в ночных горшках. Такова была традиція клуба.

Но это были времена еще болѣе далекія и до историческія. В описываемую нами эпоху, клуб уже распался. Одни умерли, другіе заболѣли бѣлой горячкой и другими болѣзнями, а барон, пережив всѣх, остепенился и пил только один коньяк Сарраджіева маленькими рюмочками, но много и постоянно.

Он почти ничего не ѣл, когда в полк поступали только что выпущенные офицеры, он любил их удивлять.

Как всегда истово и серьезно, он приказывал вѣстовому в собраніи подать „мою закуску“.

Подавалась бутылка коньяку и маленькая тарелка, на которой лежали очень острый нож и одна клюква. С постоянной своей серьезностью барон наливал себѣ маленькую рюмку коньяку и медленно, не спѣша, осторожно разрѣзал клюкву на четыре части. С этой закуской он мог выпить очень много и утверждал, что закуска эта, во - пер-

вых, не дорогая, а кроме того весьма гигиеничная.

Барон Бодэ был остроумный и по своему образованный человек, но специально подчеркивал то, что он совершенно ничего не знает, чем выводил из себя раздражительного ротмистра Васильева, всегда наполненного только что прочитанными свѣдѣніями из газет, которыми он никак не мог не подѣлиться.

Однажды барон, как бы желая показать Васильеву, что он не чужд политики, глубокомысленно его спросил:

— Ну, как там в Трансильваніи. Замирились?

Весь пропитанный газетными телеграммами из Трансвааля, Васильев даже запищал от негодованія:

— Не Трансильванія, а Трансвааль!

— Не сердись, пожалуйста, все тѣм тѣм же ласковым голосом говорил барин. — Я их все всегда путаю.

В другой раз за завтраком, налив себѣ рюмку коньяку и заправляя за воротник кителя салфетку, он спросил того же Васильева:

— Скажи, пожалуйста, правда, говорят, что Америка опустилась?

— Как опустилась..? Что означает опустилась? Если бы она опустилась, так океан бы ее затопил. Что ты спрашиваешь глупости?—сыпал обиженный в своей интеллигентности Васильев.

— Вот я тоже так думаю-говорил медленно и очень членораздѣльно барон, а вот говорят в газетах сказано, что она опустилась. Я тебя и спрашиваю, правда или нѣтъ, а ты сердишься.

Как-то ротмистр Васильев вбѣжал в собраніе с горячей новостью на языкѣ и чуть ли не в дверях заявил:

— Мак Кинлея убили.

Барон посмотрѣлъ на него, поставил на стол рюмку, которую поднесил к губам и широко перекрестился.

— Царствіе ему Небесное. — И тут же своим не-

винным голосом, спросил: а он какого был эскадрона?

Но если барон Бодэ любил представляться человеком ничего не знающим в политической жизни, то все, что касалось полка, ему было известно, как никому. Не говоря уже о традициях и истории полка, буквально всякая черточка в жизни полка, его офицеров и солдат его эскадрона его привлекала и волновала. Необыкновенно добрый, отзывчивый и непоколебимо спокойный, он был лучшим убежищем для тех, кто искали нравственной поддержки и защиты.

Не раз бывало так, что благодаря барону, молодые корнеты, попавшие в какую —нибудь неприятную историю по увлечению, по пьяному делу или просто по колдовству великой соблазнительницы — молодости, выходили благополучно из этих неприятностей.

Он выслушивал запинаящегося и сконфуженного „историка“. Давал ему высказаться и, попивая свой коньяк, спокойно и здраво давал разъяснения и совет. Конечно, он был непоколебим в вопросах чести, но в них он не был сухим резонером и строгим судьей, а добрым старшим другом и советником.

Таким же был он и в разборъ солдатских дел. Был всегда ласков и отечески заботлив. Никогда ни о ком он не высказывался слишком резко. Его душевная уравновешенность, несмотря на воспринимаемый им алкоголь, была удивительная.

Как то при нем рассказывали про проворовавшегося интенданта, строго осуждая его.

Барон промолчал, а потом добавил:

— Все дело в казенных суммах. Поручите мне на казенный счет воспитать канарейку, так я себя в два года каменный дом построю.

А все знали о фантастической честности барона Бодэ фон Боденштейна.

* * *

Была ли частная своя жизнь у барона?

Никто об этом ничего не знал, и трудно было ее себѣ представить, настолько вся жизнь его проходила на глазах всего полка.

Знали только, что изрѣдка он уѣзжал в Петербург поиграть в карты в клубѣ, гдѣ всегда проигрывался. На другой день он был немного сумрачен, часто вздыхал, говорят, что даже иногда утром он не произносил свое привѣтствіе начинающему дню „вот это-жизнь“, но к вечеру, как настоящий философ, он забывал о своих неприятностях.

Если бы барону сказали, что он философ, он мог бы даже обидѣться или спросил бы со спокойным удивленіем:

— А что такое философ? Это не очень плохо?

А был барон настоящим философом, о чем и будет свидѣтельствовать мой рассказ об этом удивительном человѣкѣ.

Барон, по его словам, был не чужд „интригѣ“ с женщиной и обставлял свой роман необыкновенной таинственностью.

Иногда барон, появляясь в собраніи, отзывал буфетчика и тихо с ним говорил. Потом он садился за стол с нѣсколько загадочной улыбкой. Всѣ немедленно знали, что сегодня барон ждет „ее“.

Его немножко поддразнивали, что ему нравится, и он произносил нѣсколько туманных фраз о том, что молодежь могла бы еще поучиться у стариков.

Злые языки утверждали, что не только молодежи, но и старикам нечему было учиться у барона, но никто никогда этого не говорил.

В собраніе вызывался его лакей Савва, из бывших драгун его эскадрона, человѣкъ мрачный, пьяница, преданный барону всей душой. Вновь барон давал указанія и буфетчику и сумрачному, точно всегда страдающему кацом*, Саввѣ.

(* Кац — сокращеніе от «каценгмеръ» — состояніе на другой день после выпивки.

Савва уходил, нагруженный закусками, фруктами и вином, причем ему указывалось закрыть шторы, ставни и никого не пускать кромѣ...

— Слушаюсъ — мрачно говорил Савва, уходя, а барон еще болѣе загадочный и повеселѣвшій возвращался к етолу.

Кто была она?

Этого никто и знать не мог. Какую избранницу так торжественно и таинственно ожидал барон Вода, этого выяснить никто не мог, даже поручик Качалов, который всегда все обо всѣх знал.

Около четырех часов, барон с той же загадочной улыбкой уходил к себѣ на дачу. Дача его была в нѣскольких шагах от собранія. Обстановка в ней была простая и тихая, не похожая на уголок, предназначенный для любовных утѣх.

Он осматривал столовую с накрытыми яствами и питьями, выпивал маленькую рюмку коньяку и сам провѣрял, все ли в точности исполнено — закрыты ли ставни и спущены ли шторы для пріема таинственной прекрасной гостьи.

Потом он звал Сав-ву. Он именно так произносил это имя. Созвучіе это ему нравилось и, говоря со своим лакеем, он постоянно называл его по имени. Так, напримѣр, он никогда не говорил „пойди, купи мнѣ папирос“, он начинал так: „вот что Сав-ва, ты брат, Сав-ва, сходи и купи ты мнѣ, Сав-ва, папирос“.

Саввѣ отдались послѣднія приказанія и он отпускался в свою комнату.

— Я вызову тебя, Сав-ва, когда нужно будет. А теперь ты, Сав-ва, иди к себѣ, и если кто придет, Сав-ва, ты скажи, что меня нѣтъ, кромѣ... Ты меня понимаешь, Сав-ва?

Савва уходил. Барон ставил около дивана столик, на него бутылку Сарраджіевскаго коньяку и маленькую рюмку и спокойно с той же загадочной улыбкой ложился совершенно один на диван.

К обѣду он был вновь в собраніи, опять с

тѣм же немного лукавым и загадочным лицом. Что дѣлалось с фруктами, закусками, а главное с ликерами и винами, никто не знал, кромѣ одного Саввы, который на другой день был еще мрачнѣе и тяжело „поправлялся“.

ГЛАВА II.

Золото, золото падаетъ с небесъ...

Звали барона Водэ фон Боденштейна не Эрикомъ Густавовичем, не Рудольфомъ Францевичем, а просто Николаемъ Ивановичем. При этом он не был Николаусом, и отецъ его не был Іоханомъ, а был настоящимъ Иваномъ Николаевичемъ и православнымъ. Баронъ Николай Ивановичъ праздновалъ вешняго Николу, а в день св. Іоанна Милостиваго посылалъ Савву отслужить панихиду по отцѣ, послѣ чего Савва приносилъ „вынутую“ просфору.

Гдѣ начинались нѣмецкіе предки барона, трудно сказать. Сам баронъ об этомъ никогда не говорилъ и вообще по нѣмецки не зналъ ни одного слова.

Удовлетворялся онъ сообщеніемъ о томъ, что онъ круглый сирота, что не было особенно удивительно, принимая во вниманіе его возрастъ и указаніемъ на то, что онъ случайно попалъ в свой полкъ, такъ какъ отецъ Иванъ Николаевичъ, дѣдъ Николай Ивановичъ и прадѣдъ Иванъ Николаевичъ служили в другомъ, столь же славномъ, полку.

К этому прибавлялъ онъ, что онъ послѣдній в своемъ родѣ и что со смертью его прекратится фамилія. Родственниковъ онъ никакихъ не зналъ и тѣ его, если и были таковыя, знать не хотѣли и имъ не интересовались.

Небольшое имѣніе, которое позволяло ему существовать и пить коньякъ Сарраджіева, было не в Эстляндіи, Курляндіи или Лифляндіи, а гдѣ то не то в Екатеринославской, не то в Елизаветградской губерніи. Такъ и сам баронъ говорилъ. Точныхъ данныхъ о своемъ имѣніи, онъ совершенно не зналъ и никогда тамъ не былъ, такъ какъ, говорилъ онъ, родился

и воспитывался он в Петербургѣ, а полн в эти далекія губерніи никогда не посылали.

Вообще он никуда не ѣздил и, когда как то раз спросили его, был ли он в Москвѣ, он отвѣтил:

— Нѣтъ, не был. А развѣ нужно туда ѣхать? Говорят, это очень далеко?

* * *

И вот, когда уже ему было пятьдесятъ лѣтъ, случилось невѣроятное событіе, сильно отразившееся на жизни и привычках барона.

В один прекрасный лѣтній день он получил от своего управляющаго письмо. Письмо было не заказное и никакого перевода в нем не было. Кроме того оно было написано хотя и четко, но на четырех страницах. Поэтому барон его и не прочел.

Через дней десять пришло письмо и перевод. Деньги барон приказал получить Сав-вѣ, так как на почтѣ никогда в своей жизни не был.

— Там, мнѣ Сав-ва говорил, в книжках каких то расписываться надо. А потом выйдут непріятности.

Письмо, однако, несмотря на перевод, он не прочел.

Через нѣсколько дней пришла телеграмма от управляющаго:

„Почтительнѣйше прошу дать отвѣтъ. Любомыслов“.

Барон на этот раз разсердился и всѣм жаловался на свою судьбу.

— Это чорт знает что такое. Какой я ему отвѣтъ должен давать? Сѣять ли рожь или пшеницу, что ли? Пусть себѣ сѣет, что хочет. Да я и письма эти выбросил. Может быть Савва знает, так пусть и отвѣтит этому Любомыслову.

На телеграмму отвѣта не послѣдовало, так как Савва плохо понял, что было в письмѣ. Говори-

лось о какой то компаніи, об инженерах, о каком то „узлѣ“.

Однако, все это взволновало барона, и он потерял спокойствіе, особенно послѣ второй телеграммы:

„Почтительнѣйше сообщая, выѣхал вам Петергоф инженер Грибоѣдов. Любомыслов“.

— Этого не хватало, говорил барон, — какіе то писатели ко мнѣ ѣдут.

Напрасно ротмистр Васильев сердился и говорил, что писатель Грибоѣдов умер в 1832 году, барон утверждал, что писатели и инженеры всѣ одним міром мазаны, и что он его не примет.

За послѣднее время здоровье его покачнулось, он почти перестал ѣсть, стал нервным, плохо спал, стал бояться темноты и одиночества и все чаще спал одѣтым на диванѣ в билліардной.

Полковой врач Мейер не раз предлагал ему хотя бы сократить порцію Сарраджіева или перейти к легким винам.

— Нѣтъ, доктор, — говорил барон, — ты это брось, я как тот дьякон — из легких Бессарабских вин предпочитаю коньяк.

Друзья его также видѣли, что с бароном не ладно, но он отшучивался, наливал себѣ маленькую рюмочку коньяку и пил за их здоровье.

„Моего на мой вѣкъ хватит.“

* * *

Однако инженера Грибоѣдова он принял.

В глубинѣ души его мучило любопытство. Что от него хотят, и почему Любомыслов, человек экономный, который даже денег по телеграфу не посылал, несмотря на требованія барона, послал тут двѣ телеграммы, причем посланы онѣ были из уѣзднаго города, а не с полустанка?

Зачѣм бы Любомыслову ѣздить за двадцать верст в город, когда полустанок близко?

В этом своем любопытствѣ он, конечно, не мог сознаться и прикрывал его раздражительностью.

14-го іюня утром в собраніе пришел Савва, вызвал барона и доложил ему, что к нему пріѣхал инженер Грибоѣдов.

— Ты его принял?

— Так точно, они в столовой сидят.

Барон опять хотѣл разсердиться, но его уговорили пойти домой, да и сам барон сгорал от любопытства.

В своей столовой он встрѣтил молодого горнаго инженера, очень воспитаннаго и почтительнаго. Очевидно, ему кто то сказал, как надо говорить с бароном.

Барон принял его сначала сухо и почти строго. Однако, по мѣрѣ того, как шел разговор, Савва, стоявшій за дверями, слышал как барон вскочил и почти крикнул „как милліон?“

На что инженер спокойно отвѣтил: „а может быть и больше“.

Послѣ этого барон подошел к буфету, налил рюмку коньяку, выпил и так крѣпко поставил ее на стол, что рюмка сломалась.

Дѣло было в слѣдующем. Одна франко-бельгійская компанія, производя изысканія в поисках руды, выяснила, что главный узел пласта проходит через имѣніе барона Бодэ и просила его разрѣшенія произвести необходимыя изысканія. Об этом то и писал в первом письмѣ Любомыслов, почтительнѣйше прося барона пріѣхать в свое имѣніе при сельцѣ Болшіе Лопухи (Малые Лопухи были в трех верстах). Во втором письмѣ он уже просил только дать разрѣшеніе производить изысканія. Наконец, не получая отвѣта, Грибоѣдов сам рѣшился пріѣхать в Петергоф за этим разрѣшеніем и для того, чтобы начать переговоры от имени компаніи по поводу покупки или аренды имѣнія. Тут то и было сказано слово „милліон“, там поразившее и барона и Савву.

Выслушав любезнаго инженера, барон успокоился и предложил ему рюмку коньяку, от чего

тот и не думал отказаться.

Барон задумался. Все это было так неожиданно, что он растерялся не от радости, а от удивления. — Вы студент? — неожиданно спросил он.

— Нѣтъ, инженер. Был студентом.

— А как у вас насчет политики? Благополучно?

Грибоѣдов подумал о том, что еще два года тому назад, чуть было не вылетѣл из института за „исторію“ с угрозой высылки, но счел лучшим скрыть это.

— Вполнѣ благополучно, — с любезной улыбкой отвѣтил он.

— А вы дворянин?

— Да, дворянин.

Барон еще подумал.

— Вот что — сказал он, — пойдемте завтракать в собраніе, а потом увидим.

Это рѣшеніе было большой важности и на него пошел барон не без борьбы, но он чувствовал себя таким одиноким против инженера, против милліона, что он хотѣл искать помощи у себя в собраніи.

„Там его разберут, а я — я ничего не понимаю“.

Инженер робко попробовал просить телеграфировать в Лопухи с разрѣшеніем начать изысканія.

Но барон в волненіи замахал руками:

— Нѣтъ, нѣтъ, сначала позавтракаем, а там копайтесь себѣ сколько хотите.

Грибоѣдов не настаивал и пошел за бароном.

Событіе это произвело необыкновенное впечатлѣніе. Когда барон ввел в собраніе молодого человѣка в тужуркѣ, всѣ чуть ли не ахнули. Да и на самом баронѣ лица не было и руки у него, уже и так не очень спокойныя, замѣтно дрожали.

А тут еще в волненіи барон, представляя Грибоѣдова, назвал его „мой инженер“.

Тут уж никто ничего не понимал, какой может быть у барона свой инженер?

Во время завтрака барон с притворной иронией рассказал о предложении Грибофдова.

— Оказывается — сказал он — я миллионер.

Сказал, оглядел всех и сам испугался. Но со всех сторон к нему потянулись стаканы, с ним цѣловались и радость была общая, потому что его действительно любили.

— Что же ты дѣлать будешь? — спросил его один из его молодых друзей, поручик Николенко. — В отставку уйдешь?

— Что ты, что ты, — испугался барон. — Развѣ мнѣ нельзя остаться? Я же ничего не украл.

Послѣ завтрака инженер все-таки настоял на том, что бы барон послал телеграмму управляющему. Барон отвел двух офицеров гораздо моложе себя, двух поручиков, людей лихих, кутил веселых и совершенно не дѣловитых — и спросил у них совѣта, как ему быть.

Рѣшено было на военном совѣтѣ телеграмму послать и вступить в переговоры, но за то барон требовал, чтобы оба поручика сопровождали его, так как „Бог их зает, надо бумаги подписывать, а потом в тюрьму попадешь.“

Обѣщаніе было дано, телеграмма была написана и, выпив еще нѣсколько стаканов вина, Грибофдов уѣхал на вокзал, обязавшись сегодня же вечером поздравить новаго миллионера.

* * *

Грибофдов ѣхал в самом хорошем расположении духа, какое только может быть у молодого человѣка, сдѣлавшаго хорошее дѣло.

Он взял собранскаго извозчика, не торопясь, улыбнулся нѣскольким дачницам. Вино немного бродило в головѣ, и чувствовал он себя почти военным человѣком.

Если бы он знал формулу барона Бодэ, он тоже сказал бы: „вот это — жи:нь.“

„А симпатичный этот барон“, думал он, „хотя и ископаемый человѣкъ, и офицеры очень симпатичные.“

На вокзалѣ он послал телеграмму барона и свою старшему инженеру бельгійской компаніи. Сначала он написал кратко:

„Все устроено — Грибоѣдов.“ Потом подумав, разорвал бумажку и вновь написал „Мнѣ удалось все устроить. Все дѣло сдѣлаем. Петербургѣ придется остаться. Высылайте нотаріусу Ивашкевичу документы и деньги.“

„Сегодня же напишу“, думал он, „как мнѣ трудно было добиться успѣха, как дѣло грозило стать безнадежным, но что я все преодолѣл и вышел побѣдителем.“

Ѣхал он обратно в Петербург в первом классѣ и немедленно по приѣздѣ телефонировал товарищу, с которым сговорился провести вечер, что это невозможно, „Не мог отказать. Мой барон и весь полк ждет“, прибавил он.

* * *

Не стану описывать любезный читатель того гулянія, которое происходило в эту ночь на дачѣ барона. Надо ли вам сказать, что вѣстовые только и бѣгали ночью в собраніе за вином*), что были пѣсенники, что барон и многіе другіе господа офицеры выпили с Грибоѣдовым на „ты“, что Грибоѣдов, который и не должен был отбывать повинности, утверждал, что как только он закончит дѣло барона, поступит вольноопредѣляющимся, в полк, конечно, с разрѣшенія барона, на что барон отвѣтил; Хорошо, друг мой, только не кричи так громко, — потому что и сам барон и многіе господа офицеры были „уставши“.

*) Вином в доброе старое время, во время котораго происходит дѣйствіе моего разсказа, в отличіе от крестьян и вообще податного сословія, называвших вином водку, так называемые привилегированные и пьющіе классы называли шампанское. Опытные лакеи (а не опытных не было) при заказѣ спрашивали только: „прикажете вашего?“ т. е. вашей ли любимой марки. Позволю себѣ напомнить об этом, так как многое с тѣх пор измѣнилось.

Это опять таки на древнем нарѣчїи, отнюдь не значило, что отказывались пить или хотѣли спать. Совершенно наоборот. Цѣлый ряд планов появлялся в их воображеніи, куда то ѣздили извозчики и не всегда возвращались пустыми, и дружеская бесѣда затянулась не только „далеко за полночь“, но даже далеко за зарю.

Впрочем, сѣверный климат того времени был таков, что заря угрення слѣдовала с большой быстротой за зарей вечерней, о чем говорил и Пушкин*) и Апполон Григорьев, автор лучшаго цыганскаго стихотворенія „Двѣ гитары за стѣной“. В ней он говорил нам, своим наслѣдникам, о том, что

„От зари и до зари тоскую, мучуюсь, сѣтую,
О, пой же мнѣ и говори ту пѣсню недопѣтую“.

Кстати, раз уж мы говорим о цыганах, то среди офицеров и, каким то образом оказавшихся тут же дам, являлись предложенія ѣхать в Петербург к цыганам. Сначала думали о тройках, потом согласились ждать перваго поѣзда и, наконец, разошлись, кто на службу, кто в эмпирию, а кто и залег спать.

В числѣ послѣдних был и Грибоѣдов.

Он проснулся на диванѣ среди совершенно хаотической комнаты. Хаос был таков, какой был до созданія свѣта, и свѣтъ ничего не прибавлял к этой картинѣ, а скорѣе подчеркивал этот хаос.

Бутылки на липких столах, недопитые стаканы, какіе то недоѣденныя закуски и фрукты, окурки папирос вездѣ, гдѣ нужно и гдѣ не нужно, табачный пепел и все то, зрѣлища того, чего опытные гуляки стараются избѣжать и мѣняют для этого обстановку.

Как заснул он на диванѣ одѣтым, Грибоѣдов не помнил. Да вообще он плохо помнил подробности этой бурной ночи.

Он вскочил, хотѣл инстинктивно бѣжать потихоньку, но Савва, как судьба, изрядно-выпившій,

*) „Одна заря смѣнитъ другую смѣшит, дав ночи полчаса“.

но коррективный и еще болѣе мрачный, почтительно доложил ему, что барон ушли в собраніе и приказали узнать „их“ адрес, чтобы назначить свиданіе.

Тут только просвѣтился разум у Грибоѣдова, он все вспомнил, „свое дѣло“, миллион, нотариуса Ивашкевича, старшаго инженера и свое „счастье“.

В домѣ ничего, кромѣ зельтерской и недопитой бутылки коньяку, не было. Савва предложил ему того и другого среди пепла и окурков. Грибоѣдов жадно выпил, хотѣл дать Саввѣ „потрясающій“ на чай, но оказалось, что он всѣ деньги роздал пѣсенникам и остался без копейки. Пришлось у Саввы же взять 10 рублей в долг и с конфузом уйти.

Савва проводил его до крылечка, посмотрѣлъ на Божій лѣтній мір тусклыми глазами, вернулся, налил себѣ стакан коньяку выпил, крикнул, и неодобрительно посмотрѣлъ вслѣд быстро удалявшемуся сконфуженному молодому инженеру.

„Ах, как это все не серьезно“, — с отчаяніем, думал Грибоѣдов. „Как не хорошо. Вдруг мнѣ не повѣрят? Приѣхал, напился, завалился спать и занял деньги у лакея. Ах, как нехорошо“.

Если бы не было „каца“, люди, любящіе выпить, были бы самыми счастливыми. Это состояніе, правда, не столь продолжительное, доказывает только существованіе справедливости навсѣгдѣ.

На вокзалѣ, вмѣсто того, чтобы привести себя в приличный вид, он сразу вскочил в поѣзд и в первом зеркалѣ увидѣлъ измятый вортничек, подходившій к его лицу, ужасную прическу и красноватые глаза. Он мечтал о Петербургѣ. Остановки в Стрѣльнѣ, в Лиговѣ его раздражали, его охватила „торпливость, желаніе перемѣны мѣста“ („откуда это?“ п. талось у него в мозгу). На вокзалѣ он торопился, бросился к извозчику и приѣхал в гостиницу разбитым и испуганнымъ.

Он еще не кончил приводить себя в порядок,

как к нему пришел его товарищ.

— Что у тебя за физиономія, точно на ней три дня сидѣли? — спросил он.

Шутка эта не понравилась инженеру. Он был большого мнѣнія о своей наружности, но пришлось не обижаться. С торопливостью он стал рассказывать товарищу и свой успѣх и вчерашнее гуляніе и о глазах Ниночки и о том, что он с ней будет в „Акваріумѣ“ (вѣдь если это сейчас не правда, то завтра, очень возможно“) и...

* * *

Судьба имѣет свои неисповѣдимые пути. То, что казалось молодому инженеру скандалом, пошло ему в пользу. Его признали хорошим малым, и барон перестал его страшиться. Кромѣ того, в тот же день, он получил срочную телеграмму: „Очень рад. Деньги выслал срочно. Выѣзжаю через два дня.“ Верфель был старшим инженером компаніи и он рекомендовал ему эту гостинницу. Достать денег под телеграмму у швейцара ничего не стоило. Грибоѣдов собирался уже уходить, когда его вызвали к телефону.

Поручик Николенко ждал его в ресторанѣ гостинницы „Франція“, чтобы переговорить о дѣлах барона и познакомить его с его адвокатом.

Все было — слава Богу, жизнь была вновь прекрасной, как в „Дамѣ из Торжка“ Юрія Бѣльева „не жизнь — а персидскій марш“.

ГЛАВА III.

Бароны вьют
Бароны пьют,
Барон фон Гривальдус
Пред замком Амаліх
Все в той же позіціи
Сидит и молчит.

Милліоны, или, вѣрнѣе, нѣсколько сот тысяч не принесли спокойствія послѣднему из боронов Бодэ фон Боденштейн. Дѣйствительно, он стал оогат, сотни тысяч должны были течь на его текущій счет и в будущем. Но вѣдь в будущем то и и был весь вопрос.

Организм барона на основѣ коньяка Сарраджіева и при большом постоянном и долготѣнном пріятіи его, был подорван. Как говорил я выше, он стал змѣтно болѣе нервным, совершенно не переносил одиночества, боялся темноты, руки у него стали дрожать, аппетит, и так уже почти не существовавшій, пропадал окончательно, сон также, а тут хлопоты, поѣздки к адвокатам, к нота-ріусам и всетаки отравленіе богатством сдѣлало свое дѣло.

Барон переѣхал в Петербург.

Он снял себѣ хорошую квартиру на Мойкѣ во втором этажѣ, забрал с собой Савву и еще двух уходивших вѣстовых, но он оторвался от Петергофа, от собранія. Жизнь стала покрываться пустыми мѣстами, которых не было раньше, приходилось думать, быть часто одному и думать о здоровьѣ. Стали заглаживать доктора.

Грибоѣдов уже давно закончил свое дѣло, вольноспредѣляющимся не поступил, заходил иногда к барону, но он уже был далеким и ненужным. Барон все пил свой Сарраджіевскій коньяк, но часто тосковал, чаще валялся то на диванѣ, то на кровати, и вдруг в один осенній петербургскій день Савва позвонил поручику Николенкѣ, и сказал, что барона хватил удар, отнялась вся правая сторона.

Почему „Кондратій“ непременно должен озна-

чать такую неприятность, как удар? Почему гангрена называется „Антоновым огнем“? Кто разберет эту загадку хитраго русскаго мужичка, выковавшаго русскій язык.

Вѣдь казалось бы, что паралич ничего смѣшнаго собой не представляет — а говорят „Кондрашка хватил.“ Почему „Кондрашка“? Что это за пренебреженіе к смерти?

Когда я был молодым, говорили „сыграть в ящик“, т. е. умереть. Что это, презрѣніе к смерти, к своему здоровью, или какое то „делибашество“, дорогое сердцу русскаго человека? „Жизнь — копѣйка, судьба — индѣйка“.

Уж по простотѣ этой совершенно никому непонятной юмористической формулы видно, что тут с русским человеком что то неладно. Это уже не фатализм, которым нас украшал Лермонтов с легкой руки Байрона, а просто, простите, безпардонность какая то, ну, чего бы смѣяться перед смертью, над опасностью ея? А у нас любили подтрунить.

Был у меня один пріятель. Однажды во время войны его начальство — генерал во время боя рѣшил гулять под огнем.

Никому из его свиты это, конечно, никакого удовольствія не доставляло и не могло доставлять удовольствіе и самому генералу. Мой друг почти-тельно об этом заявил, обходя возможные предположенія об опасности.

— Что это вы, полковник, орѣшков не любите? — спросил генерал, останавливаясь в сферѣ огня.

Конечно, мой друг был не прав. Но он не выдержал и сказал: — Ваше превосходительство, это не орѣшки, а пули, а если Ваше Превосходительство не умѣет отличить пули от орѣхов и т. д.

Что тут поднялось. Кончилось тѣм, что бѣдный друг мой сидѣл на испытаніи в заведеніи для нервнобоных, потом его простили, но он уже

никогда не выплыл на поверхность.

Но это, скажем, необходимость ореола, а тут что такое юмористическое?

С человеком случился удар, а его же друзья говорили „Барона хватил Кондратій, не дай Бог в ящик сыграет.“

Тут тебѣ и „Кондрашка“ и искреннее „не дай Бог“ и „игра в ящикѣ.“

Если бы Сень Санс написал бы свой „Данс Макабр“ в русском духѣ, он не мог бы обойтись без „Камаринского.“

* * *

Всѣ свѣтила науки были призваны к одру болящаго, лежавшаго в полузабытіи. Что то ему вспрыскивали, что то с трудом давали принимать. Сав-ва сразу постарѣл и осунулся, и всѣм завѣдывал бывший вѣстовой собранія, расторопный Левчук. Офицеры полка приходили к барону и тогда говорили шопотом, а иногда нарочно громкими, развязными голосами. Говорили о том, что барон поправится и вновь станет „у нас молодцом“, потом, тихо позвякивая шпорами, уходили, шептались с сидѣлкой и радостно выходили на морозный воздух или на сырой день оттепели и чувствовали себя молодыми, крѣпкими, здоровыми, а все это — „ящик“, „Кондратій“ и тому подобное, оставалось далеко позади в полутемной квартирѣ, уже начавшей пропахивать лѣкарствами. В ней вѣстовые передвигались, несмотря на свои большіе сапоги на пуантах, как балерины и привыкали говорить таким шопотом, точно они никогда не ругались в своей жизни.

А в то же время старая земля, которая когда то давала существовать в разных полках баронам Бодѣ фон Боденштейнам, позволяла им скудно жить и сводить концы с концами, нехотя, открывала каким то бельгійцам свои нѣдра и оттуда на текущій счет несчастнаго, безсловеснаго, послѣдняго из этого рода баронов, бѣжал, казавшійся

неистощимым, источник новых тысяч, десятков тысяч и сотен их.

Барон все понимал, но говорить не мог. Его большое рыхлое тѣло ему не подчинялось, лицо его с правой стороны омертвѣлое было жуткое и глаза были нездѣшныя.

Но все-таки он сопротивлялся болѣзни и даже настал день, когда лечившій его профессор сказал его друзьям, что есть полная надежда на выздоровленіе, но надо быть осторожным.

Язык начинал только слушаться барона, и он произносил отдѣльныя слова, которыя понимал только Левчук. Сав-ва ушел в себя, точно приговоренный к казни и утверждал, что „все“ пошло так плохо, от того, что „мы с бароном“ уѣхали из Петергофа.

И вот в період выздоровленія, над бароном страслась новая непріятность.

ГЛАВА IV.

„Понимаю вас прекрасно. Местъ барона вам опасна“.

(Русское либретто „Травіаты“, или „Как поживешь, так и прослывешь“).

Всегда барон говорил всѣм, что у него родных нѣтъ и что на нем весь род его кончается. Были у него какіе то необыкновенныя дальніе родственники или свойственники Долговы, десятая вода на киселѣ, которых он очень любил и даже бывал у них, тѣм болѣе, что лѣтом жили они на дачѣ в Петергофѣ.

Ольга Ивановна Долгова с перваго же дня болѣзни барона сдѣлала все от себя зависящее, чтоб облегчить участь больного. Так же сердечно относился к своему родственнику, или свойственнику, и Петр Петрович Долгов, человѣкъ видный в чиновном мірѣ и всегда любившій барона и до его бо-

гатства, сваливагося с неба. Даже это послѣднее обстоятельство, как то охладило семью Долговых, Они не хотѣли, чтобы ктонибудь подумал, что богатство барона могло играть какуюнибудь роль в их отношеніях.

Но с того времени, как никому неизвѣстные Большіе Лопухи (Бароновка тож) стала выкладывать деньги из под земли, у барона нашлись родственники. Откуда брались они неизвѣстно. Помните, как у Горбунова купец на похоронах говорил: „сколько этой слякоти — родственников понабралось — уму непостижимо.“

Так и тут. Пробовали они писать барону письма с междометіями, вродѣ: „Дорогой дядюшка“, или „Уважаемый двоюродный братец“, было письмо, начинавшееся „Милый кузен барон Александр Карлович“, и много других.

Но барон был неумолим и всѣх их, если они пріѣзжали, даже гнал вон, и на письма не отвѣчал, а поручал Савваѣ отвѣчать. Что писал Савва, оставалось неизвѣстным, но вѣроятно, что-то категорическое, так как родственники замолкли.

Однако, извѣстіе о болѣзни его, надежда на смерть и наслѣдство необычайно обнадежило „родственников“. По одиночкѣ стали они стекаться в Петербург, скрывая друг от друга цѣль поѣздки и свой адрес. Двери квартиры барона им, однако, были закрыты. Больной барон был еще болѣе недоступен, чѣм здоровый.

Он бы и не узнал об их домогательствах, если бы не Ольга Ивановна. Она была необычайно щепетильна и как то во время начала выздоровленія сказала о приходѣ родственников барону, чтобы злые языки не говорили, что она никого не пускает к нему.

Барон весь затрясся, язык его стал лопотать что то безсвязное, он стал страшен со своим остановившимся глазом и перекошенным лицом.

Ольга Ивановна сама была не рада, что под-

няла эту исторію, замахала на него руками и не знала как уйти.

Но барон затаил с тѣх пор настоящую ненависть к своим родственникам, и в его мозгу, удрученном болѣзнію, гдѣ мысли двигались, как тяжелые жернова, родился страшный план мести.

За все время своей болѣзни он был необычайно кроток. Видно было, что ему тяжело, но что он смиренно переносит посланное ему испытаніе. Теперь же он с каким то раздраженіем хотѣл скорѣе поправиться. Левчук, который все понимал, что допотопал коснѣющим языком барон, объяснял друзьям барона, что их высокоблагородіе очень сердиты на родственников.

Желаніе скорѣе поправиться и отомстить как можно скорѣе, заставило барона сердиться на доктора. Он с ненавистью глотал лѣкарства и сердился, если не было замѣтно облегченія. Его особенно смущало то, что всѣ эти племянники, тетки и кузины вспомнили о нем так неожиданно, и при болѣзни его слетѣлись, как воронье.

Левчук был отправлен на развѣдку, чтобы выяснить количество и мѣсторасположеніе непріятеля. Двое из офицеров тоже были посвящены в планы барона, который взял с них слово о том, что ничего Долговым не скажут о Макиавелическом планѣ мстительнаго барона.

Так как родственники все-таки, несмотря на запрещеніе, пробовали являться на квартиру узнать о здоровьи дорогого больного, задача Левчука была очень облегчена. Один из „племянников“, который почему то был чуть ли не старше самого барона, первый попал на удочку.

Как-то на его робкій звонок дверь открыл не мрачный Савва, становившійся в дверях так, как Леонид при Фермопилах; а коварный, красивый, ласковый Левчук.

Шопотом он доложил, что их высокоблагородію господину барону очень плохо (это входило в план мести). Что он не жилец на бѣлом свѣтѣ.

Племянник шопотом ахнул и, видя, что Левчук занялся, быстро сунул ему синенькую.

Левчук принял сосредоточенный вид и сказал, что ему здѣсь говорить неудобно, а что если барин могут назначить свой адрес, то он придет и все доложит.

Племянник до - нельзя обрадовался и дал свой адрес.

Возвращался он в Балабинскую гостиницу против Николаевского вокзала в самом лучшем настроеніи. Испугался только он Ольги Ивановны, встрѣтившей его при входѣ. Об ея родствѣ или свойствѣ никто ничего не знал, но она так властно на него посмотрѣла, что г. Стремянкин, бывшій, как он говорил, родным племянником тетушки Варвары Ивановны Голубятниковой, по первому браку за Перфильевым, который был двоюродным братом баронессы Бодэ, умершей в дѣвицах и бывшей родственницей барона, не мог не испугаться. Ольга Ивановна была женщиной не очень молодой, но очень видной и г. Стремянкин почувствовал опасность.

* * *

На другой день он нервно ходил по своему номеру, ожидая Левчука. На столѣ стояла соблазнительная закуска с графинчиком водки. Сам г. Стремянкин был в длинном сюртукѣ, как будто бы он уже был готов идти на похороны.

Пугала его и мысль о том, что он неосторожно поступил, назначив мѣсто свиданія в Балабинской гостиницѣ, так как представители других родственников стояли в той же гостиницѣ, чтобы наблюдать за дѣйствіем Стремянкина, считавшагося среди других, чающих движенія, большим кляузником.

* * *

Сначала каждый родственник думал дѣйствовать отдѣльно, потом, отчаявшись, рѣшили дѣйст-

воватъ согласно и домогаться через адвоката признанія барона ненормальным на случай, если у него будет завѣщаніе. Конечно, у каждого из них был свой тайный адвокат или стряпчій который, поддерживал увѣренность в законности желанія своего кліента.

Поэтому-то волновался так г. Стремянкин, как бы не вошел кто - нибудь из родственников во время его разговора с Левчуком.

Левчук пришел по праздничному одѣтый, с нѣкоторой полупочтительной развязностью. Никифор Афанасьевич Стремянкин бросился к нему и незамѣтно, пока дорогой гость раздѣвался, запер дверь на ключ.

Поздоровался он, конечно, за руку; спросил, как имя и отчество и стал называть Левчука, Лукой Ивановичем.

Левчук сначала поломался перед закуской, потом соблаговолил и совершенно вошел в роль.

Говорил он довольно витіевато, что было ему самому пріятно послѣ кратких „слушаю, так точно и никак нѣтъ“ все еще военной обстановки барона.

Первое, что он спросил у Никифора Афанасьевича было „сколько всѣх родственников у барона,“ чѣм очень обидѣл того. Он заподозрил измѣну со стороны Левчука, но потом отвѣтил, что сам не знает, но что серьезных, т. е. как он, один два, да и обчелся.

Левчук задумался, потом стал говорить, какой хорошій его барон, как он любит Левчука и как обо всем с ним совѣтуется.

— Изволили встрѣтить даму, когда выходили? Так онѣ тоже родственница?

— Какая родственница? Никаких таких родственников мы не знаем — а я всѣх знаю, — завопил Стремянкин.

Левчук, налив собѣ рюмку водки, отвѣтил:

— Какая там родственница, мы не знаем, но

родственница и приказала, никого и барону не принимать.

Дѣйствительно, Ольга Ивановна, ничего не зная о планах барона, вспоминая о своем разговорѣ с ним испугалась, как бы он, узнавъ о посѣщеніи родственников, не разсердился, что ему было очень вредно.

Стремянкин был сбит с толку, особенно тѣм, что сознался, что знает всѣх родственников и рѣшился дѣйствовать подкупом. Он кое что пообѣщал Левчуку и сунул ему бумажку уже покрупнѣе.

Левчук поблагодарил и почти шопотом сказал, что надо других родственников, болѣе опасных, устранить, а он их не знает, и они, дескать, могут „подвести“, а он, Левчук, не зная их, может проглядѣть.

Долго ли, коротко ли, в очень скором времени Левчук вошел в довѣріе Стремянкина и узнал все, что нужно было для барона.

Коварный слуга барона нарочно играл со своей жертвой и тянул свои переговоры, что неизмѣнно доставляло ему ошутительный доход.

* * *

Наконец, настало время, когда барон стал чувствовать себя значительно лучше и мог приступить к выполненію своей мести. В то же время Левчук распространялъ свѣдѣнія о здоровьи барона совершенно противоположныя.

Наслѣдники волновались и жадно схватывали каждое утро „Новое Время“, в надеждѣ увидѣть на первой страницѣ объявленіе в траурной рамкѣ о том, что „Командир и г. г. офицеры лейб — гвардіи X — го полка с глубоким прискорбіем и т. д.“

И вот в один такой день нетерпѣливаго ожиданія к г. Стремянкину явился торжественный Левчук в новой парѣ и при цѣпочкѣ и заявил племяннику барона, что его барин очень плох и хочет проститься и повидаться со всѣми родственниками и сообщить им свою волю.

— Никого барон наш не хочет обидѣть, — говорил грустно Левчук, попивая водку и смахивая слезу. — Никого говорит, Левчук, не обидим, а главное не забуду племянника Стремянкина.

— Неужто так и сказал? — всполошился Стремянкин.

— Я-ж говорил, — убѣжденно сказал хитрый хохол — их высокоблагородію о том, как вы о них скучаете и очень это пріятно было им. Но, говорит, чтобы всѣ пришли до одного, сколько есть и пусть говорить список представляют, а я провѣрю. Чудак он у нас. Хочу, чтобы всѣ были, а то я буду думать, что они промеж себя враждуют. А он-барон, — этого не хочет. И скажи ты, Левчук, г. Стремянкину, чтобы он всѣх созвал ко мнѣ на квартиру через два дня, пока я еще жив.

— Зачѣм же всѣх, о Господи, — воскликнул г. Стремянкин, всплеснув руками, — Ну, понимаю, Клопгауса (и то черт его знает, кто он такой), ну, и Петровцева еще, пожалуй, (тоже десятая вода на киселѣ) но зачѣм же эту дуру Грускопф звать... Она и не родственница и дура набитая.

— Нѣтъ, нѣтъ, безпремѣнно всѣх. Я его слуга и как он сказал, так и говорю. И дурку зовите, может быть, она по дурости своей его разжалобит. Не сердите вы его, коли кого не достанет, и говорить не будет. Он добрый — добрый, а сердитый. Так вы уж Никифор Афанасьевич, списочек мнѣ сейчас дайте, я его барону отнесу, Он очень на вас надѣется. Пусть говорит, постарается, а я его не забуду. И свидѣтели будут тут же от нашего полка, чтобы сейчас же протокол составить. Чтобы как завѣщаніе было.

— А не лучше ли нотаріуса извѣстить?

— И не дай Боже. Убьет, ей Богу, убьет. Для него что нотаріус, что ничего. А вот офицерское слово свое он чтит.

— Все таки по закону бы лучше, — настаивал Стремянкин.

Левчук встал, выпил водки и обидѣлся.

— Ну, как знаете, Никифор Афанасьевич, коли мнѣ не вѣрите и ежели вы стрикулисту какомунибудь больше вѣрите, чѣм благородным господам офицерам. Прощайте. Никифор Афанасьевич, мы, как сами того же славнаго лейб — гвардіи, лейб — гвардіи (он повторилъ эти слова и поднял к потолку палец) полка, так нам не прилично слушать ваши рѣчи.

— Да что вы, что вы, — лепетал испуганный Стремянкин — так сорвалось, а он уже обидѣлся. Да на какой прок мнѣ нотаріус я для барона дялюшки безпокоился, а мнѣ одно слово его закон. Садитесь, садитесь, не гнѣвайтесь. Еще графинчик на мировую?

Через полчаса Левчук под хмѣльком и со списком в карманѣ выходил из гостиницы, закручивая черный ус и весело улыбаясь.

— Ну и потѣха же будет, — громко сказал он, садясь на извозчика.

Вѣроятно, Левчук был прирожденным актером. Он так вошел в роль, что ему скорѣе хотѣлось увидѣть развязку. Точно плана барона он не знал, но чувствовал, что будет потѣха. Оттого он и извозчика взял, чтобы скорѣе доложить все барону.

* * *

Барон лежал на диванѣ и слушал Левчука с искренним удовольствіем. Говорил он еще плохо и не всѣ мускулы лица его двигались, но уже не было прежней омертвѣлости и взгляд его глаз был уже не тот „нездѣшній“.

Левчук изображал в лицах свой разговор со Стремянкиным, и косая усмѣшка кривила губы довольнаго барона.

Наконец, пришла Ольга Ивановна, вовсе не бывшая в курсѣ дѣла, выгнала за лѣкарствами Левчука и пожурила барона, приказав ему не заниматься глупостями.

Эту ночь барон спал мирно и тихо. Душа его

бесѣдовала с его предками, которые радовались страшной мести послѣдняго из рода Боде фон Боденштейн.

ГЛАВА V.

Местъ - блюдо, которое нужно подавать холодным.

В этот день на Мойку к 11 1 2.. часам съѣзжались родственники. Было всѣх их девять человекъ. Двоих так и не нашли. Из них были три дамы, в необычайных костюмах, среди которых отличалась г-жа Грускопф. Она сразу почувствовала себя дома и хотѣла пройти в кабинет к барону, но на порогъ стоял Савва, мрачный, как неизбежность и она отступила.

Мужчины были в сюртуках, иногда очень долгополых. Нѣкоторые были в бѣлых галстуках. От одного пахло мылом, от другого скверными духами и от кого то из наслѣдников несло перегаром.

Из гостиной, гдѣ их собрали, была видна столовая, и буфет с закусками и водками. Внимательный барон, очевидно, позаботился о родственниках.

Наслѣдники разбились на группы и только один Стремянкин, да г-жа Грускопф стояли в сторонѣ. Стремянкину завидовали, так как видѣли, что Левчук отдѣльно шептался с ним и перемигивался. Г-жа Грускопф гордилась неизвѣстно чѣм.

В комнату вошел Левчук. Он был в бѣлой рубашкѣ, в синих рейтузах с кантом и в высоких сапогах.

— Никифор Афанасьевич, всѣ собарались? — обратился он почтительно.

Всѣ с завистью посмотрѣли на Стремянкина.

— Всѣ почти, Лука Иванович. Я вот еще спичек приготовил с указаніем степени родства,

Роздались возмущенные крики:

— Позвольте, это шантаж! Какое там родство! Мы сами знаем, свое родство! Это мошенничество!

Левчук замахал руками и в дверях показался мрачный Савва в сюртукѣ.

— Просят не шумѣть — замогильным голосом сказал он.

Левчук взял список и вышел. Савва дѣйствовал устрашающе, и всѣ замолчали. В передней раздался звонок. Савва вышел и закрыл за собой дверь. Всѣ с злобным шопотом набросились на Стремянкина, но в это время вновь вернулся Савва и ввел опаздавших двух наслѣдников. Оба они были выпивши и очень сконфужены. При появленіи их и Саввы всѣ опять замолчали.

— Пожалуйте к их высокоблагородію, — так же мрачно возвѣстил Савва и пошел вперед. За ним потянулись наслѣдники.

* * *

Глазам их представилось внушительное зрѣлище.

На диванѣ, окруженный подушками, лежал барон. Он лежал на спинѣ и не смотрѣлъ на родственников. Около дивана стояли четыре офицера, любезно поклонившіеся им.

У двери стоял Савва, а на другом флангѣ родственников Левчук. В сторонѣ стоял стол и на нем список родственников и лист бѣлой бумаги, на котором было четко написано писарским почерком:

„22 марта 19-, мы нижеподписавшіеся собрались для того, чтобы узнать волю гвардіи ротмистра барона Николая Ивановича Бодэ фон Боденштейна“.

Стремянкин занял центральное положеніе и с умиленным лицом выступил на один шаг вперед. Г-жа Грускопф хотѣла броситься к дивану и заплакать, но Савва ее придержал и поставил на мѣсто.

Офицеры смотрѣли строго и внушительно.

Левчук умирал от любопытства. От веселаго предчувствія по всѣму тѣлу у него бѣгали мушкетеры.

Тихо от волненія икнулъ один из запоздавших родственников.

Барон подозвал пальцем Левчука и что то сказал ему.

Офицеры отвернулись и смотрѣли или на обои или закрывали рот рукой.

— Их высоблагородіе просят расписаться на листѣ, заявил Левчук.

Всѣ потянулись къ столу, украдкой смотря на барона. Он лежал неподвижно с закрытыми глазами.

Офицеры уже повернулись къ родственникам спиной.

— Так точно, ваше высокородіе, всѣ на лицо. — отвѣтил Левчук.

Тогда Савва и Левчук осторожно приподняли барона и повернули его на лѣвый бок лицом къ наслѣдникам.

Воцарилось молчаніе, которое бывает только на сценѣ. Савва застылъ у дверей, а Левчук вытянулся на своем флангѣ. Офицеры дѣлали героическія усилія, чтобы не нарушить тишины.

* * *

Тут и произошла месть барона.

Явилась она неожиданной и ужасной. Ни гром, ни молнія с голубого неба, не разверстая земля не представляла бы большаго ужаса для наслѣдников.

Барон, лежа на боку, открылъ глаза, внимательно осмотрѣлъ каждого наслѣдника и вдруг!

Да, это было эпически прекрасно, величественно и торжественно.

Не сводя глаз со своих жертвъ, барон... Нѣтъ, это, дѣйствительно было, слишком жестоко. Как мог такой добрый человѣкъ, такой незлобивый

человѣкъ, какъ баронъ Бодэ, додуматься до подобной хладнокровной мести!

Такъ вотъ, баронъ медленно поднялъ руку. Всѣ замерли, какъ въ послѣдней картинѣ „Ревизора“ и впились глазами въ эту руку.

Сначала изумленнымъ родственникамъ показалось, что онъ имъ показываетъ кулакъ. Но нѣтъ! Сомнѣній не было и не могло быть.

Баронъ показывалъ имъ кукиш!

Да, самую обыкновенную фигуру или знакъ изъ трехъ пальцевъ и медленно обводилъ имъ по фронту слѣва на право и справа на лѣво.

Родственники вросли въ землю. Даже Савва улыбку, а офицеры затряслись. Левчукъ обожалъ барона и глядѣлъ на него, какъ гренадеръ старой гвардіи смотрѣлъ на Наполеона.

Потомъ баронъ, точно насладясь зрѣлищемъ довольно членораздѣльно и громко произнесъ:

— Теперь вон!

Что тутъ было! И возгласы негодованія, и ропотъ, и какое то куриное клохотанье, и визгъ, и басовые раскаты. Но баронъ уже повернулся ко всему спиной, а Савва широко распахнулъ дверь и возгласилъ:

— Пожалуйте въ переднюю!

Стремякинъ ринулся, чтобы уничтожить позорныя подписи и „листъ со степенью родства“, но его со звѣриной ловкостью поймалъ подъ мышки Левчукъ и почти вынесъ въ столовую.

— Это безобразіе! Это насмѣшка. За это можно отвѣтить раздалось въ столовой, но тамъ, кромѣ Саввы и Левчука, оказались еще два вѣстовыхъ, а въ дверяхъ стояли господа офицеры, умиравшіе отъ смѣха.

— Пожалте, пожалте, не задерживайтесь, — бубнилъ Савва.

В передней съ шумомъ одѣвали калоши, дрожащими руками искали свои шубы, не попадали въ рукава, ругали барона, Стремякина. Г-жа Грускопфъ заявила, что она прямо ѣдетъ къ полицеймей-

стеру, потом к губернатору и военному министру, а между тѣм ловкіе вѣстовые помогали одѣваться, а Левчук не удержался и сказал Стремянkinу:

— На чаек бы с вашей милости.

— Мерзавец, — завопил Стремянkin, только теперь точно понявшій всю глубину своего паденія и коварства этого демона-искусителя.

А у Левчука и глаза, и губы, и зубы, и усы, нос-все смѣялось. Даже в животѣ стало больно, и, выскочивши за наслѣдниками на лѣстницу, среди грохота проклятій, он засунул два пальца в рот и так пронзительно свиснул, что наслѣдники вздрогнули и выбѣжали толпой на улицу.

ГЛАВА VI.

У хладных Невских берегов
В туманном Петроградѣ
Жил нѣкто господин Долгов
С женой и дочкой Надей.

Я должен объясниться с моим читателем. В моей правдивой повѣсти я не могу не давать моим героям вымышленныя имена.

Итак, моя неожиданная героиня не была всѣм Долговой, была ли она Надей, не знаю, но знаю, что она даже не была дочкой — сиротой, маленькой, не то барышней, не то компаньонкой.

Надя вела хозяйство Ольги Ивановны, иногда шила, исполняла ея порученія. Есть такая грань близости к дому, которая чуть-чуть что не родство, а в то же время что то неуловимое указывает вам: нѣтъ, она им не родня.

Вот такова была Надя — воспитанница господ Долговых, любивших ее, как родную. В этом как все и заключается.

Вы, навѣрное, читатель, часто слышали почти стереотипную фразу „Дай Бог быть всѣм такими русскими, как Карл Иванович Пфефферкухен“ или „нѣтъ такого русскаго патріота, как Моисей Соло-

монович Рабинович“. (Вы догадались о ком я говорю? Да это сын стараго Рабиновича). Вот и тут все дѣло в этом как, а вот я не хочу быть таким, как уважаемый господин Пфефферкухен, ни патриотом как сын почтеннаго „стараго Рабиновича“.

Хочу быть сам по себѣ, хотя оба указанных мною лица навѣрное лучше меня во много раз.

Я просто русскій, а не „как“ и больше ничего.

Но я отвлекся от своей неожиданной героини.

Была ли она красивой или хорошенькой? На этот вопрос я бы сразу не отвѣтил. Она была, что называется „если хотите хорошенькая“.

Она не была, как тѣ барышни, о которых говорят, чтобы ничего не сказать, что у них красивые глаза и чудные волосы. Ничего этого сказать нельзя было про Надю (а особенно в наше время, когда волосы в счет не идут). Я могу с увѣренностью сказать, что Надя была скорѣе хорошенькая, и было ей 19 лѣтъ, а это очень много значит. На фотографіи она выходила не важно и не годилась бы в кинематографическія „звѣзды“. Не было в ней яркости, но в то время, слава Богу, кинематографа не было, и если не каждый молодой человѣкъ (старики не считаются) на нее оглядывался, то все-таки не раз она обращала на себя вниманіе и тогда она вспыхивала и становилась со-всѣм хорошенькой.

Долговы, как писал я выше, лѣтом жили в Петергофѣ. У них была своя дача совсѣм недалеко от парка. Каждую весну совершалось переселеніе, но обходилось оно без ломовых и без кухарки, сидящей на диванѣ поверх скарба, с кошкой или с клѣткой с канарейками на колѣнях.

* * *

В один прекрасный тихій майскій вечер, так легко и незамѣтно переходящій в бѣлую ночь, Надя гуляла одна в паркѣ.

Долговы уѣхали с утра в Петергоф и хотѣли даже остаться там ночевать. Она была одна на

дачѣ. Что то сдѣла по хозяйству, пошила, почистала у окна и пошла в парк. Майскій вечер свѣжій: таинственный своими, немного туманными. сумерками манил к себѣ.

Она шла и думала.

О чем? О чем думает дѣвушка в 19 лѣт, бѣлой петербургской ночью? Я не Мюссэ чтобы разгадать это. Для этого нужно быть поэтом, нужно чтобы стихи медленно текли за мыслями, за мечтами.

Конечно, она мечтала. Повседневныя мысли, не стучась, впутывались в ея мечты, но мечты были их сильнѣе и легко и незамѣтно обволакивали их и вытѣсняли их.

Она сѣла на скамейку недалеко от фонтана Самсона и задумалась.

* * *

Как то раз, конечно, до ужасных революціонных времен, когда жив был Петербург, когда туманныя очаровательныя окрестности его точно плавали в бѣлых ночах, таким же вечером я рѣшил перемѣнить, хотя бы на один день, петербургскую обстановку и поѣхал на автомобилѣ в Петергоф.

Как скучно выѣзжать из Петербурга через эти мрачныя кварталы, которые выходят к Нарвскому шоссе. Тянутся заводы, проѣзжаешь мимо сумасшедшаго дома на одиннадцатой Екатерининской гранитной верстѣ, мимо краснаго кабачка, воспѣтаго Юріем Бѣляевым, мимо сѣренькаго Лигова, через Стрѣльну с ея дворцами и парками, уходящими к морю. От Стрѣльны уже был особый „дворцовый“ порядок. Он бывал только в царских резиденціях.

В Петергофѣ, остановившись в гостиницѣ „Самсон“, я пошел в парк к морю. Недалеко от прекраснаго фонтана, гдѣ золотой Самсон раздирает пасть льву, я остановился.

На пескѣ тоненьким остріем тросточки, или

вѣрнѣ зонтика, тогда вѣдь не было уродливых „Том Пусов“, и остріе дамских зонтиков было отточено, как игла, было вычерчено: „Люблю“.

Как это было хорошо в бѣлую ночь!

Он говорил ей много и горячо, она молчала, потупив глаза и чертила зонтиком по песку.

— Скажите же чтонибудь. Не мучьте меня.

Она подняла на него свои прелестные голубые глаза и отвѣтила: я уже все сказала.

И тогда только он посмотрѣлъ на песок, хотѣлъ поцѣловать ее, а она уже быстро убѣгала. Он бросился за ней, но она замахала своей маленькой ручкой в перчаткѣ.

— Не надо, не надо сегодня. Приходите туда же завтра.

И крылья любви подхватили их и понесли к счастью, к мечтам.

Как хотѣлъ бы он собрать этот песок и унести с собой.

Он стал на колѣни перед этим словом и собрал кучку песку в платок. Потом испугался удивленнаго сторожа, ушел счастливый, как бывают счастливы один час, одно мгновенье.

* * *

Надя сидѣла на скамейкѣ и задумчиво чертила зонтиком. Может быть это она тогда оставила это одно слово на пескѣ Петергофскаго парка, а на другой день грабли и метла смели милое признание.

Надя не была еще влюбленно готова была к влюбленности. Она тоже ждала ее, и ей было немножко жутко. Кто тот, который должен полюбит ее, она и не знала. Никто из молодых знакомых Долговых ей не нравился и тот, который должен был прійти все еще был в мечтах, неясных, все время мѣняющихся. Иногда, Надя подолгу сидѣла у своего окна, выходящаго в сад, пока ей не дѣлалось холодно. Она пожималась от сырости и с грустью закрывала окно, точно оставляла свои

мечты в саду с его легким мягким туманом и бѣлой ночью.

Сегодня мечты совсѣм опутали ее. Она попробовала встряхнуть их, встала и пошла по аллеѣ вдоль моря. Навстрѣчу ей шли два студента. Надя была скорѣе робкой барышней, но тут, сама не зная почему, еще не отдѣлавшись от мечты, взглянула на них, встрѣтила их глаза, покраснѣла и ускорила шаги.

Студенты прошли нѣсколько шагов, остановились и переглянулись. Потом они повернули и пошли за Надей.

— Какая я глупая, — говорила она себѣ. — Куда я бѣгу? Что такое случилось? Но она шла все скорѣе и сердце почему то забилося. Она почувствовала, что они идут сзади нея, быстро вышла из парка и тут только, немного придержав сердце рукой, пошла медленнѣе.

Какая я глупая. Точно маленькая.

У калитки она остановилась и, казалось ей, холодно оглянулась. Студенты стояли на углу. Надя не могла не улыбнуться, покраснѣла и побѣжала в себѣ.

— Надичка, гдѣ ты пропадала? — говорила на балконѣ Ольга Ивановна. — У нас барон, прикажи подавать чай.

ГЛАВА VII.

На разсвѣтъ поднявшись,
копя остѣддал
Знаменитый Смальгольмскій
барон.

* * *

То был гвардейскій офицер
Воитель черноокій.

Послѣ тяжелой болѣзни барон довольно скоро оправился, но ходил он с палкой с резиновым наконечником. Нога всетаки не отчетливо слушалась.

Болѣзнь оставила на нем свой слѣд. Он стал еще спокойнѣе, еще добрѣе и часто думал. За время своего недуга и во время томительнаго выздоровленія он немножко отвык от полка и скучал в то же время по нем.

Напрасно врачи требовали для полной его поправки, чтобы он поѣхал за границу на воды. Он протестовал от всей души.

— Они с ума сошли, даром, что профессора. Я никогда воды-то и не пил, что же я буду на водах дѣлать? Да вѣдь там надо в штатском ходить?!

— Там тебя климат поддержит, — говорил полковой врач Мейер.

— Глупости ты говоришь, доктор, — строго отвѣчал барон. — Такого климата, как у нас в Петергофѣ и Петербургѣ нигдѣ нѣтъ. Ты вот не читаешь „Новаго Времени“, а ты вот посмотри на первой страницѣ, кто умирает из военных: Генералы от кавалеріи и инфантеріи, почетные опекуны, рѣдко генерал — лейтенанты. Умрет иногда генерал — майор в отставкѣ, так он со службы ушел при Александрѣ. А чтобы штаб — офицеры умирали — никогда!

Развѣ из обер — офицеров какой нибудь несчастный корнет застрѣлится. А то всѣ живут.

— А сам то чуть вѣдь не умер? Не шути со здоровьем, барон!

— Вот то то и дѣло, что чуть не умер. А на водах бы навѣрное умер.

Переспорить барона не было рѣшительно никакой возможности, и он переѣхал в концѣ мая в Петергоф. В полку он считался в длительном отпуску и должен был уйти в отставку. Он сам знал, что это неизбежно, что ему оставаться болѣе нельзя, и в полку об этом знали и выдумывали ему какую нибудь должность нетрудную, которая позволяла бы ему носить не отставной мундир.

Барон сам облегчил всѣм выход из положенія. Он явился к командиру полка и попросил отпуск по болѣзни еще на шесть мѣсяцев, послѣ чего он подаст в отставку.

Конечно, это было ему немедленно устроено, и с этого дня с бароном стали прощаться в полку. Пил он гораздо меньше, но все-таки попивал свой Сарраджіевскій коньяк маленькими рюмочками, но порцію сократил, зато угощал всѣх на славу.

Надо отдать справедливость офицерам, что они „богатаго“ барона не эксплуатировали, напротив того, когда нужно было кого — нибудь выручить, барону приходилось прибѣгать к хитростям, чтобы помочь товарищу.

В полку его дѣйствительно крѣпко любили, и вот почему послѣдніе шесть мѣсяцев своей военной жизни барон хотѣл провести в Петергофѣ.

* * *

Что дальше будет, он не знал и представить себѣ не мог, как у него не будет погон, как, может быть, придется носить штатское. Его даже в пот ударило при мысли о пиджакѣ или фракѣ.

— Неужели я должен одѣваться, как лакеи в ресторанах? — грустно спрашивал он.

О будущем своем барон часто думал. Близость к смерти примиряла его с ней и он на нее рѣшился. Он был убѣжден, что скоро умрет, не скры-

вал этого от друзей, но это не была испуганная мнительность.

Он сжился с этой мыслью и не прогонял ее от себя, всегда оставаясь по старому привѣтливym и милым.

Раз даже в собраніи он долго совѣщался с буфетчиком, и когда его спросили, о чем он совѣщался с ним, спокойно и равномѣрным голосом отвѣтил:

— Заказывал свой поминальный обѣд. А то второпях вѣдь и забыть можно.

Всѣ возмутились и стали говорить, что он стал мнительным.

— Ничего подобнаго. Я ничего не боюсь. Но не люблю неожиданностей. И чтобы молодые корни всѣ были до одного. А то я разсержусь.

Думал он много о своем богатствѣ, и эти то мысли в связи с его увѣренностью в том, что он скоро умрет, приводили его в безпокойство.

— Неужели же этим гнуснякам что нибудь достанется от меня? Не забуду никогда их богопротивных рож.

И вот тут то пришла к нему одна мысль. Сначала пришла она робко и сѣла на кончик стула в уголку, потом пересѣла на диван и, наконец, завладѣла всѣм.

Эта мысль была о женитьбѣ.

Да, как это ни невѣроятно, но барон послѣ удара, в 50 слишком лѣтъ, рѣшил жениться. И рѣшеніе это было у него безповоротным. Жениться он хотѣл, главным образом, чтобы умереть спокойно и чтобы оставить послѣ себя счастливаго человѣка. Ни на одно мгновенье он не ошибался в самом себѣ. Он был убѣжден в том, что никому он не может доставить счастливых блаженных минут. О дѣтях он уже и не говорил.

— Женюсь, оставляю завѣщаніе в пользу хорошей дѣвушки, перед которой вся жизнь впереди, и умру.

Вот эта то мысль и обуяла барона.

Но дѣло в том, что хороших дѣвушек он никогда в своей жизни прежде не знал, но он знал, что онѣ есть, так как товарищи по полку женились и исключительно на хороших дѣвушках, иначе они не могли-бы оставаться в полку. Но перед тѣм, как жениться, они танцевали, влюблялись, ухаживали.

„Им хорошо, думал он, — а я даже не знаю надо ли раньше ухаживать, потом влюбляться и танцевать, или наоборот“.

Сказать об этом своем рѣшеніи в полку он не мог. Боялся, что над ним будут смѣяться. И к кому он мог бы обратиться за совѣтом?

Офицеры постарше, правда, были женаты, но им могла бы показаться мысль эта дикой. Его молодые друзья, конечно, знали дѣвушек, но дѣвушки эти чаще всего были не тѣ, которых называют хорошими, так как чаще всего вращались эти офицеры среди „дам нашего полукруга“.

Тут был нужен совѣтъ человѣка опытнаго. Вот почему барон выбрал для этого дѣла Ольгу Ивановну Долгову. В дружбѣ ея он не мог сомнѣваться.

Во время своей болѣзни он видѣлъ ея заботы и считал ее своей спасительницей. Как же мог он, когда вопрос касался его жизни и смерти, не обратиться к г-жѣ Долговой? Была и другая причина.

Объясненіе с Ольгой Ивановной произошло в Петергофѣ.

* * *

Как то барон зашел к Долговым, когда он навѣрное узнал, что самого Долгова дома не будет. Не было дома и Ольги Ивановны, но она должна была придти с минуты на минуту.

Надя была одна за чайным столом, не торопясь накрывая на стол. Барона она очень любила и не стѣснялась его, только немного вспыхивала, когда он ей цѣловал руку.

„Вѣдь барышням руку не цѣлуют“ думала она. „Так зачѣм он это дѣлает?“

Барон дѣйствительно знал, что барышням рук не цѣлуют, но вышло однажды как то так что он по разсѣянности поцѣловал ей руку при гостях. Он сам тогда сконфузился, но с тѣх пор уже нечего было дѣлать.

Ольга Ивановна его за это пожурила, но барон остался непреклонным.

Итак, он поцѣловал ручку Нади и сѣл за стол. Случайно он сѣл против зеркала и невольно ему пришлось посмотреть на себя.

„Да, дѣйствительно, жених“, подумал он и вздохнул.

Надя ходила от буфета к столу и барон наблюдал за ней. Сердце у него заохлодѣло, когда он подумал: „а вдруг согласится“?

Надя и была та хорошая дѣвушка, о которой мечтал барон. Это не то, что она ему нравилась. У него не было ни иллюзій, ни старческих замашек волокитства за молоденькими дѣвушками. Но вѣдь он никаких дѣвушек не знал, а тут все казалось таким простым. Не надо танцевать, не надо ухаживать. Кромѣ того, он - как бы женился на домѣ Ольги Ивановны. Брал себѣ жену вмѣстѣ с окружающей ее обстановкой и ничего, казалось, не измѣнял в своей жизни.

С другой стороны, он знал, что это может поразить и Ольгу Ивановну и самое главное, Надю, и боялся этого ужасно.

„Вѣдь, если откажут, придется искать другую дѣвушку или вообще бросить мечты о женитьбѣ“, думал он. „А что дѣлать с деньгами тогда? Кому их отдать, кому завѣщать, как все это сдѣлать лучше?“

Сегодня он рѣшился переговорить с Ольгой Ивановной, а ее как на зло не было дома и ему приходилось сидѣть вмѣстѣ с Надей.

Принесли самовар. Надя перетирала посуду и говорила о погодѣ и о музыкѣ.

— А вы знаете, — неожиданно для себя сказал барон, — что поручик Трос женится.

Сейчас же у него пронеслась мысль: „Как это некстати, к чему я это сказал? Подумает еще, не дай Бог, что я намекаю.“

Но Надя не только ничего подобного не подумала, но даже заинтересовалась этим извѣстіем. В домѣ Долговыхъ всѣ были посвящены в полковую жизнь, тѣм болѣе, что полковыя темы были самыми излюбленными для барона. Кромѣ того, нѣтъ барышни 18-19 лѣтъ, которую бы не интересовала всякая женитьба.

Она закидала вопросами барона: Кто невѣста? Хорошенькая ли? Молодая? Когда будет свадьба?.

Эго не понравилось барону. „А вдруг ей Трос нравится?“. подумал он.

Он стал отвѣчать своим истовым и равномерным голосом о том, что это прекрасная дѣвушка из очень хорошей семьи и очень богатых родителей.

„ — Все это не то я говорю. Она вспомнит, что она бѣдная воспитанница. Какой же я жених“, с отчаяніем подумал барон.

Надя об этом не думала. Троса она и не знала, и мысли барона были далеки для нея.

— А я и забыла ваш чай подать, — со смѣхом сказала она, быстро подбѣжала к буфету, вытаскивала графин с коньяком и рюмочку.

„Слава Богу не сердится“, с облегченіем подумал барон.

В это время вошла Ольга Ивановна.

— Не вскакивайте, не вскакивайте, барон, с вашей ногой“, привѣтливо сказала она, протягивая руку для поцѣлуя и усаживая его. Погода какая дивная.

— Тетя Оля, а у них в полку свадьба, — сказала Надя.

— Кто женится? Не вы ли барон? шутливо спросила Ольга Ивановна.

Надя улыбнулась.

Барон почувствовал, что покраснѣлъ, выпил коньяку и притворно закашлялся, а Надя наскоро говорила о Тросѣ и его невѣстѣ.

— Молод еще, — сказала Ольга Ивановна. — Не перебѣсился. Ничего из этого не выйдет.

Опять стало легче на душѣ у барона.

Он то вѣдь не молод и перебѣсился давным давно.

Еще поговорили о Тросѣ и о здоровьи барона. Надя убрала посуду и ушла погулять.

* * *

— Ольга Ивановна, — начал барон, и таким торжественным голосом, что Ольга Ивановна удивленно посмотрѣла на него.

— Что такое, милый барон? У вас какая нибудь непріятность? Отчего вы такой грустный?

Барон полетѣлъ с высоты, как летают во снѣ с замираніем сердца.

Он заговорил сначала медленно, и запинаясь, потом он разговорился, налил себѣ коньяку, и ему самому стало себя жалко.

— Вѣдь я же никому вреда не хочу дѣлать. Не смѣйтесь надо мной, — жалобно сказал он, когда почти все было уже сказано.

— Да Бог с вами, кто над вами смѣется, и не волнуетесь так. Смотрите, как у вас руки дрожат.

Еще одно усиліе и все было сказано. Как на скачках послѣ послѣдняго препятствія лошадь из послѣдних сил несется по гладкому полю к призовому столбу, так неся и барон.

Ольга Ивановна не сразу пришла в себя.

— И что же вы хотите жениться без любви, не требуете никакой взаимности? Подумали вы об этом?

— Подумал, много думал. Я знаю, что умру, и хочу, чтобы послѣ меня остался счастливый человѣкъ. Я же ничего другого не хочу.

— Хорошій вы человѣкъ, барон милый, дайте я вас поцѣлую.

Ольга Ивановна была немного моложе барона, но когда она наклонилась над ним и поцѣловала в лоб, а он с мокрыми глазами цѣловал ей руку, у нея было много материнской нѣжности, и барон казался, таким слабым и безпомощным.

Ольга Ивановна помолчала.

— Вот что Николай Иванович. Я начинаю понимать. С Надей я переговорю. Дѣвичья душа потемки. Может быть, она обрадуется, может быть, откажет, может быть, ссблаговолит.

— Повѣрьте мнѣ, что я вас понимаю, но не говорите ей о смерти. Тогда она навѣрно откажет. Нельзя говорить умной и хорошей дѣвушкѣ, что вы хотите на ней жениться, так как скоро умрете. Оставайтесь у нас обѣдать, не волнуйтесь или сходите в собраніе. Завтра я вам дам знать.

Барон поцѣловал руку Ольги Ивановны и поѣхал в собраніе

ГЛАВА VIII.

«...И не могла ей отказать
Взволнованная Надя».

Ольга Ивановна была как всѣ женщины. Она была склонна устраивать браки. Будь то ея горничная или кучер, которые хотѣли вѣнчаться, она не могла не принять в этом участіе.

Ея муж пожимал плечами и ворчал, когда она ѣздила покупать свѣчи, атлас, образ и кольца, но Ольга Ивановна не обращала на это вниманія и исполняла свои обязанности серьезно и рьяно. Иногда, благословляя, она даже произносила ко, роткую проповѣдь, вродѣ слѣдующей: „Ну вот-ты, Дуняша, стала замужней, смотри, чтобы муж твой был тобою доволен“.

Раз, благословляя на брак свою горничную, она даже добавила: „Как я и барин были тобой довольны.“

Никто, кромѣ Петра Петровича, который по-

краснѣл и чуть не прыснул, не понял соблазнительности этого сравненія, а Ольга Ивановна так же серьезно говорила кучеру:

— Смотри, Демьян, люби свою жену, Обращайся с ней хорошо, а главное не пей ты так.

Кучер кланялся ей в ноги, а вечером на кухнѣ происходил фестиваль.

Теперь было дѣло много сложнѣе. Дѣло было не в кольцах и атласѣ, не в фестивалѣ и не в совѣтѣ барону меньше пить. Ольга Ивановна не знала, хорошо ли она сдѣлала, что взялась устроить этот брак.

Конечно, барон в припадкѣ откровенности сказал, что он даже и посягательств никаких на Надюшу не собирается дѣлать и что ему пужна жена как друг, но все это трудно было объяснить Надюшѣ и могло даже показаться обидным и малопонятным, тѣм болѣе, что предполагаемой невѣстѣ и в голову не приходила мысль о предложеніи барона.

Разница в годах и в положеніи уже очень была большая. Она бѣдная сирота — воспитанница девятнадцати лѣтъ, он человек за пятьдесят лѣтъ, гвардейскій офицер, барон и очень богатый. Почвы для всяких сплетен было слишком много.

Вечером, когда они остались с Петром Петровичем, а Надюша, помечтав у окна в сад, легла спать и мирно спала, положив руку под щеку, Ольга Ивановна рассказала все мужу. Бесѣда их, несмотря на ровный характер супругов, носила почти бурный характер.

— С твоей страстью Ольга Ивановна, быть свахой, — говорил Петр Петрович, шагая в халатѣ по комнатѣ — ты нас погубишь когданибудь.

— Да что тут дурного? — неувѣренно говорила, лежа в кровати Ольга Ивановна.

— А вот что. Станут говорить, что мы продали Надюшу за деньги нашему родственнику и богачу. Вѣдь между ними разница в тридцать лѣтъ

слишком и в цѣлый милліон. Если ты этих сплетен хочешь, то я слуга покорнѣйшій.

— Ты не смѣешь мнѣ так говорить, — возмущилась Ольга Ивановна, садясь на кровать, и ища туфли. — Ты не смѣешь говорить, что я продаю Надюшу. Я ее люблю, как дочь.

— То то и есть „как дочь“ — а что про нас говорить будут и про меня, тебѣ безразлично.

Ольга Ивановна накинула пеньюар и закурила папиросу. Это уже был признак большого волненія.

— Добро-бы, — продолжал Петр Петрович, останавливаясь перед женой, — твой барон ухаживал за ней, был бы в нее влюблен. А то на-те, пожалуйста. Пришла барону его фантазія, а Долгова тут как тут. Слушаюсь, ваше сіятельство.

— Во — первых, барон не ваше сіятельство, — уже спокойнѣе сказала Ольга Ивановна.

— Ты меня прекрасно понимаешь. Не в этом дѣло.

— Да. Все дѣло в твоей черствости и в твоём эгоизмѣ. И из за того, что будут говорить, ты не хочешь счастья барона и, может быть, счастья Надюши.

— Может быть?

— Да, „может быть.“ Всякій брак загадка, и не так уж мы были безумно влюблены друг в друга, а вот однако, прожили двадцать лѣтъ.

— Ну, как знаешь. Все равно ты сдѣлаешь по своему. Как всегда, — добавил он раздраженно. — Я пойду позаймусь, а то я спать не могу с твоими матримоніальными разговорами.

Петр Петрович забрал кое какія бумаги и пошел в свой кабинет.

Ольга Ивановна посидѣла с минуту, потушила папиросу, подумала немного, сидя на кровати, посмотрѣла на себя в зеркало, вздохнула, перекрестилась и легла спать.

Рѣшеніе было принято, и первый бой был

выигран. Спала она безмятежно, как человек исполнивший свой долг.

* * *

На другой день, когда Петр Петрович, сумрачно простившись с женой, уѣхал на службу, Ольга Ивановна поднялась к себѣ, выкурила папироску и рѣшилась.

— Надю — ша, — крикнула она в сад. Сейчас же весело застучали каблучки по лѣстницѣ и Надя вбѣжала, милая и свѣжая, как полагалось быть дѣвушкѣ в то время, особенно, в прекрасный лѣтній день.

Ольга Ивановна начала атаку сразу без предисловій. Она не скрыла ничего из того, что ей сказал барон, скользя по щекотливым вопросам о дружбѣ вмѣсто любви и супружеских обязанностях, о возможной или дѣйствительной недолговѣчности барона и возможной в будущем свободѣ молодой баронессы.

Сказано все это было так, что Надюша все поняла, краснѣла, блѣднѣла и расплакалась на плечѣ у Ольги Ивановны.

„Вот и он плакал у меня на плечѣ. Хорошо ли это?“ подумала Ольга Ивановна, сама утирая набѣжавшія слезы.

— А как же, — вдруг захлебываясь сказала Надя, — консерваторія?

Побѣда была одержана.

— Кто же тебѣ помѣшает учиться пѣть? Барон не такой человек, что бы в чемнибудь тебѣ отказать.

Самое важное было сказано. Ольга Ивановна боялась больше всего услышать, что Надюша влюблена в когонибудь.

Этого препятствія, слава Богу, не было. Путь был свободен.

Потом онѣ еще долго говорили. Надюша боялась остаться одной со своими мыслями и не отходила от Ольги Ивановны. Будущее казалось ей

смутным, а настоящее страшным. Одна она стала бы опять плакать.

— Вот что, Надюша, — сказала Ольга Ивановна. — Одѣвайся и ѣдем в Петербург. Мнѣ кое что надо купить, скажи, что мы завтракать дома не будем. Вызовем Петра Петровича и позавтракаем в ресторанѣ.

Ольга Ивановна понимала, что перепуганную барышню оставить одну нельзя было. Она отослала ее по хозяйству и написала коротенькое письмо.

Вышли онѣ вмѣстѣ, но как только прошли нѣскольکو шагов, Ольга Ивановна вспомнила, что забыла взять деньги.

— Я сбѣгаю, тетя Оля.

— Нѣтъ, ты не найдешь. Подожди меня, я сейчас вернусь.

На дачѣ она позвала Дуняшу и приказала немедленно отнести письмо барону.

Письмо было совсѣм краткое:

„Все благополучно, поздравляю, поговорите с Петром Петровичем, приходите завтра“.

Надюша то говорила без умолку, то задумывалась и блѣднѣла. Ольга Ивановна незамѣтно слѣдила за ней. Сдѣлали кое какія закупки и, наконец, очутились у ювелира. Здѣсь Ольга Ивановна купила Надюшѣ браслет.

— Носи, не забывай тетю Олю, ты знаешь, что я люблю тебя и желаю тебѣ добра.

Надюша расплакалась в магазинѣ и Ольга Ивановна с торжеством надѣла золотую цѣпь на ея дрожащую руку. Надя была побѣждена.

Когда Ольга Ивановна бралась за дѣло, она его дѣлала хорошо, умѣло и с большим тактом.

Завтракали онѣ с Петром Петровичем у Кюба, гдѣ Надюша была в первый раз.

Ей нравился этот ресторан, это множество народа, лакеи татары, метр д'отель, француз с черными густыми усами, который так хорошо говорит по французски, гораздо лучше, чѣм их фран-

цуз в гимназіи. Нравилось ей и то, что они говорили почему то по французски. Петр Петрович примирился с фактом и был весел.

У Кюба внизу дамы бывали очень рѣдко и всѣ проходившіе мужчины смотрѣли на их столик. Надюшѣ казалось, что всѣ они смотрѣли на нее.

Она краснѣла, становилась совсѣм хорошенькой и украдкой посматривала на золотую цѣпь браслета, вовсе не видя в нем символа закрѣпленія.

* * *

Радости барона не было конца. Он даже вызвал Савву и сообщил ему о предстоящем событіи.

— Женюсь я, Сав-ва. И будет у нас с тобой баронесса, Савва. Хорошо я дѣлаю, Сав-ва?

— Чего же лучше, ваше выскоблагородіе? Давно пора, — как всегда сумрачно отвѣчал Савва.

Когда узнал об этом на кухнѣ Левчук, он оказался другого мнѣнія. Он присвистнул и сказал:

— Значит сѣдина в бороду, а бѣс в ребро?

— Эй ты, свистун, — разсердился Савва. — Не просвисти свою голову. Не смѣй зубоскалить и, не дай Бог, никому не болтай.

— Да, я это так, Савва Иванович. Будьте покойны.

— То то, что так, — сказал со вздохом Савва. Он не мог долго возмущаться. Сходил в столовую, налил себѣ и Левчуку по стакану коньяку и сказал торжественно:

— Ну, пей за здоровье барина. Выпил, крикнул и грустно добавил: — Вот женю я его и уйду на покой.

С того дня началось жениховство барона. Наканунѣ официальнаго предложенія Надюшѣ он переговорил с Петром Петровичем и, несмотря на его протесты, уговорил его быть душеприказчиком.

Не так чтобы очень разсудительно и точно, но с большой искренностью и наивностью объяснил он состояніе своих дѣл и просил его в случаѣ несовершеннолѣтія молодой баронессы при его кончинѣ, быть опекуном.

Какой то особый порядок царил в сумбурѣ его головы. Он думал о мелочах и говорил о своей смерти, точно он был жадным наслѣдником, боявшимся потерять что нибудь из наслѣдства.

— Полноте, Николай Иванович, — прервал его Долгов. Вѣдь невозможно вас слушать. Вы страх нагоняете вашими разговорами о смерти. Если вы хотите, чтобы я принимал какое либо участіе в ваших дѣлах, дорогой барон, я запрещаю вам говорить со мной о смерти. Говорите с первым похоронным бюро, а не со мной.

Барон сконфузился, извинился, и поѣхал дѣлать предложеніе.

* * *

Надюша была предупреждена. Она не спала двѣ ночи. Она не знала, хорошо ли она дѣлает или нѣтъ? Ей было страшно думать о том, что она должна будет цѣловаться с бароном или быть его дѣйствительной женой.

Но барон общал, а он человекъ благородный. Выходило так, что она уходила в монастырь при живом мужѣ, и что ей запрещена любовь. Гдѣ то в ея сердцѣ змѣилась мысль о смерти барона и о миллионной свободѣ, но она отгоняла ее, сердясь на себя.

Думала она часто о балах, концертах — вѣдь она недурно пѣла — о платьях, о брилліантах, ресторанах, гдѣ всѣ будут говорить о баронессѣ Бодэ фон Боденштейн. Когда она станет знаменитой пѣвицей, и будет получать миллионные оклады, она честно отдаст барону всѣ его деньги. Выходило даже так в ея мечтах, что барон должен был быть пріемным отцом и выдать ее замуж за самаго лучшаго и красиваго тенора или за уди-

вительнаго героя, который бы всѣх побѣдил и весь израненный, но прекрасный, и ничего не потерявшій за время совершенія своих подвигов, просил бы у барона ея руки. Приходили мысли и о „преступной“ любви и она перечитывала страницы из „Анны Карениной“. В этой любви было много страшнаго, но и притягательнаго.

Сам барон в этих мечтах и сомнѣнiях играл роль чаще всего необыкновенно благородную и неизмѣнно незамѣтную.

Но все это были мечты. Наступала страшная дѣйствительность. Барон прѣхал и Ольга Ивановна просила Надюшу спуститься вниз.

Надюша схватилась обѣими руками за свое сердце, посмотрѣла на себя в зеркало, нашла себя блѣдной и неинтересной и почувствовала, что может заплакать. Нужно было во чтобы то ни стало, чтобы этого не было. Она понюхала англійской соли и пошла вниз.

Ей казалось, что впереди нея со ступеньки на ступеньку прыгает ея сердце, а когда она вошла в гостиную, сердце ея покатилося куда то от нея и она схватилась за дверь.

К счастью, барон стоял спиной и был так смущен, что ничего не видѣл и боялся оглянуться. Ольга Ивановна испугалась обморока, быстро подошла к Надюшѣ и ввела ее под руку.

Барон низко склонился к Надюшиной рукѣ и четким спокойным голосом произнес готовую фразу:

— Надежда Николаевна, Ольга Ивановна передала мнѣ, что вы разрѣшаете мнѣ надѣяться стать вашим мужем. Если вы не раздумали, то сегодняшнiй день будет самым счастливым в моей жизни, и отнынѣ до конца дней своих я все сдѣлаю, чтобы заслужить это счастье. Если же вы не находите возможным обѣщать мнѣ вашу руку, я прошу простить мнѣ мою смѣлость и всегда вѣрить в мою любовь и искреннее уваженiе.

Когда барон составлял эту фразу, ему каза-

лось, что уж очень она похожа на конец письма. Что то вродѣ „Примите, М. Г. увѣреніе в совершенном почтеніи.“ Но что он не выдумывал, ничего лучшаго подобрать не мог.

Надюша почти шопотом сказала:—Я согласна и протянула руку барону.

Барон вновь склонился к ней.

— Ну, слава Богу, — сказала бодрым голосом Ольга Ивановна, прервав эту почти траурную церемонію.

— Поздравляю тебя, Надюша, и вас, милый Николай Иванович, дай вам Бог счастья.

— Петр Петрович, — крикнула она, иди сюда и прикажи подать шампанскаго.

ГЛАВА IX.

Поговори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная
Вся душа полна тобой,
А ночь такая лунная,

Извѣстіе о предстоящем бракѣ барона произвело необычайное впечатлѣніе на господ офицеров полка. Этого никто никак не ожидал. Выбор невѣсты так же был удивительный.

Мало кто в полку и знал о существованіи Нади. Слышали, что у Долговыхъ есть какая то воспитанница, но ею не интересовались.

Впрочем, барона так любили, что фантазія, как говорили в полку, нисколько не отразилась на отношеніи к нему и, во всяком случаѣ, это неожиданное извѣстіе было принято с нѣкоторым почтительным удивленіем. Особенно хитрые офицеры утверждали, впрочем, что они давно догадывались, что с бароном что то „не ладно“ и видѣли это они в том, что за послѣднее время барон пристрастился к цыганам.

В прежнее время его было трудно к ним затянуть, так как, говорил он, „они уж очень шумные“, теперь же он к ним постоянно ѣздил, причем

любимым его мѣстом стал „Самарканд“.

Нравился барону не шум цыганской жизни, не разгул, а именно тихая меланхолия пѣсен и романсов. Рѣшившись жениться, несмотря на то, что он говорил о женѣ — другѣ, у него явилась потребность какой то неопредѣленной влюбленности.

А что лучше цыган может дать для этого необходимую обстановку?

Я не помню, чтобы мнѣ пришлось слушать цыган вмѣстѣ с бароном Бодэ, но, кажется мнѣ, что ѣздили мы в „Самарканд“ в одну и ту же счастливую эпоху. Конечно, наша компанія не искала только тихой грусти, но пишуцій исторію славнаго барона, может похвастаться тѣм, что и он знал и любил цыган. Поэтому, мнѣ не трудно пригласить моих читателей со мной и бароном в „Самарканд“.

„Самарканд“ находился в то золотое время на Черной рѣчкѣ на Языковом переулкѣ. Держали ресторан татары Халитовы, вся прислуга, от лакеев и кончая дворниками, были татары. Никаких увеселеній, кромѣ цыган, в „Самаркандѣ“ не было. Это не то было, что „Яр“, „Стрѣльна“, „Аквариум“ со своими русскими, венгерскими, малороссійскими хорами, с пѣвчихами и соблазнительными дѣвками. Нѣтъ, чтобы ѣхать в „Самарканд“, особенно в маленькой компаніи, надо было дѣйствительно любить и знать цыган и чаще всего надо быть влюбленным в цыганку.

Путешествіе туда было долгое. Нужно было проѣхать весь Каменноостровскій проспект, пересѣчь Каменный остров, выѣхать на дорогу к скалкам и свернуть через Чернорѣченскій мост на Языков переулок.

Можно было ѣхать и по Выборгской сторонѣ вдоль тихой в это время набережной, мимо фабрик и заводов, или еще по Выборгскому шоссе прямо на Языков переулок мимо длиннаго ряда заборов. Эти два маршрута были зимніе,

Итак, поѣдьте в „Самарканд“, зимой.

Хорошо проѣхать эти 6-7 верст по хорошему санному пути морозной ночью. Мы забыли предупредить цыган по телефону и боимся, что вдруг они заняты. Ворота закрыты, но около них уже наш старый знакомый — городской. Он стучит в ворота и кричит: открывай, свои.

Мы въѣжаем во двор, гдѣ точно врос в землю низкій деревянный дом. Не видно ни огня и не похож этот скромный дом на ресторан. Но вот за стеклянными дверьми зажигаются огни, и вы входите в тускло освѣщенную переднюю. В наше время в „Самаркандѣ“ не было электричества, и не было его по требованію старых кліентов.

Неожиданно, весь „Самарканд“ просыпается. Приходят сонные лакеи и сверху с лѣстницы смотрят любопытныя цыганки. Онѣ почти всегда в шалях и в пальто. В „Самаркандѣ“ холодно зимой.

Лакей уже несет канделябры в большой красный кабинет, а татарченочку связку дров. Лучше пока шубы не снимать. В кабинетѣ холодно, но весело трещат дрова.

Чтобы согрѣться, вы ходите по кабинету. Лакеи вносят стулья и ставят их полукругом перед диваном и вашим столом.

Вы заказали ужин, вино, и тут вы слышите такой знакомый, такой милый шум в коридорѣ. Смѣются цыганки, болтая на своем непонятном языкѣ, и мужчины настраивают гитары.

Одна за другой входят цыганки и разсаживаются на стульях. Мужчины становятся сзади. Дядя Леша — Алексѣй Масальскій, проводит рукой по струнам и тихо начинается „Махорка“, потом все быстрѣе и сильнѣе, гитары гремятъ, и вдруг все пѣніе и гитары рѣзко обрываются и слышен только тихій гитарный перебор.

Потом идут сольныя пѣсни и грустныя и веселыя. Вино пьется легко под цыганскую пѣсню и радостно сердце у настоящего любителя цыган-

ской пѣсни и глаза горят и переглядываются с черными веселыми цыганскими глазами.

* * *

Весной всѣ балконы стараго деревяннаго дома окутывала сирень и в бѣлую ночь в „Самаркандѣ“, среди запаха сирени и цыганскаго цѣнія, невозможно было не влюбиться в Маню, Нюру, Грушу или Шуру.

Вот, может быть, в такую бѣлую цыганскую ночь барон почувствовал свое одиночество и приступ влюбленности.

В кого, он сам не знал. Не в цыганку.

Онѣ были слишком подвижны, слишком веселы.

Ему захотѣлось меланхолической любви, может быть, любви на разстояніи, и, вѣрнѣе всего, любви невозможной.

Самую женщину, в которую он был влюблен, он себѣ не представлял. Она была гдѣ то далеко, может быть, она умерла, унеся тайну барона, и барон хранил свою тайну, тѣм болѣе, что и он ея не знал.

Никогда не мог стать барон цыганистом, как мы себя называли в отличіе от цыганоманов, страдавших маніей поклоненія перед Вяльцевыми и прочими подражателями цыганщины. Его увлеченіе было чисто романтическое и сентиментальное.

По природной своей застѣнчивости барон не рѣшался ѣздить к цыганам один, но любителей хорошо послушать цыган было слишком много в то далекое прекрасное время, и барону было не трудно составить себѣ компанію.

В такія ночи его молодые товарищи весло ухаживали за цыганками, а барон часто уходил на балкон к сирени, и прелестному старому саду, гдѣ даже луна не могла соперничать с бѣлой ночью. Он уходил к своим таинственным мечтам.

В кабинетѣ звенѣли гитары и раздавались жаркіе цыганскіе голоса, слышались заздравныя

пѣсни. Каждому гостю цыганки подносили чарочки и был особый шик сдѣлать это так, чтобы ни один мотив не повторялся. Каждому пѣли свою „чарочку.“

Когда барон уже очень задумывался, наша забываемая тетя Груша (старыя цыганки всѣ были нашими „тетями“) брала стопку коньяку и несла ее на балкон. Как то рѣшено было, чтобы барону не подносили чарочки молодыя цыганки, а только „сама“ тетя Груша, жена „дилижера“. Она низко кланялась барону и ея немного дребезжащій голос с каким то отгѣнком юмора в пѣснѣ раздавался в саду. Она пѣла:

„Бароша, бароша,
Как вы хороши,
Любят вас цыгане
Ото всей души“.

Или немного грустное, минорное:

„Коленька, Коленька,
Выпей с нами, душенька,
А не выпьешь ты до дна,
Подольем еще вина“.

Или классическое:

Без барона нам не пьется
И вино не веселит, и т. д.

Барон вставал, возвращался в кабинет и лихо опрокидывал свою стопку. Послѣ этого он уже принимал участіе в общем веселіи и только когда затягивали старыя пѣсни „Люблю я тебя, не отдам никому“, „Брильянтоваыя очи“ „Я гадать, ворожить мастерица“ и другія очаровательныя меланхолическія пѣсни, он на мгновенье задумывался и пил один за кого-то-за свою таинственную даму и за свою судьбу.

* * *

Вот почему, узнав о том, что барон женится, нѣкоторые офицеры предполагали, что барон в бѣлыя ночи мечтал о Надѣ.

Впрочем, в самом началѣ своего жениховства

он пригласил Долговых и Надю в „Самарканд“.

Это было цѣлое событіе. „Самарканд“ для всѣх был закрыт. Цыгане были заказаны заранее. Ужин был удивительный. Весельем управлял такой знаток, как извѣстный кутила и любитель цыган поручик Костя С., офицер сосѣдняго по Петергофу полка.

Вообще свое жениховство барон справлял широко и окружал свою невѣсту трогательным вниманіем. Ольга Ивановна часто журила его. — Нельзя все отдавать невѣстѣ, — говорила она, — оставьте что нибудь и женѣ.

Этот цыганскій вечер прошел не так уже весело. Ни Петр Петрович, ни Ольга Ивановна, вѣрные абоненты оперы и симфонических концертов, ничего в цыганах не понимали. Цыгане в непривычной обстановкѣ как-то замизались и не расходились ухаживать за цыганками, которыя при „этой барышнѣ“ не смѣли им говорить ты, да и сама Надя, при этом консерваторка, чувствовала себя не в своей обстановкѣ.

Она стыдилась этих смѣлых женщин с привѣтливыми, но лукавыми глазами. Ей казалось, что они насмѣхаются над ней — такой скромной, такой на них не похожей.

Для нея цыганки всегда казались существами таинственными и загадочными. Она знала, что онѣ гадают, что их нужно выкупать из хора, или похищать. Она слышала, что цыганки опасныя женщины, что онѣ охотно разбивают семейное счастье, что много мужчин по ним с ума сходят, бросают своих жен и дѣтей, и она не понимала их прелести, но знала, что она есть и что она бывает неотразима.

И Надя не понравилась цыганкам.

— Ту, бароша наш, какую кралю себѣ нашел. Сидит, как гримза и не улыбнется“, — говорила в коридорѣ около лотошной комнаты, блистая зубами и глазами, Шура поручику Николенкѣ.

— Это она тебя боится, — отвѣчал тот, близко подходя к ней и любясь ею.

Шура разсмѣялась своим заразительным смѣхом: — Очень он мнѣ нужен, старый хрыч. Вот если бы ты за ней поухаживал, я бы ей показала.

— А вот возьму да буду за ней ухаживать.

— Ну-ка, попробуй, — и она убѣжала в кабинет.

В дверях стоял дядя Леша и звал их: — Чай-лы, джа тебаган (дѣвушки, идите пѣть).

* * *

В концѣ концов вино и пѣсни разсѣяли связанное настроеніе. Надѣ понравились грустныя пѣсни и особенно „венгерка“ для гитары и для хора. Понравились ей печальныя слова Аполлона Григорьева — этого истиннаго цыганскаго гимна.

„От зари и до зари тоскую, мучусь, сѣтую.

О пой-же мнѣ и говори ту пѣсню недопѣтую“, Или:

„Васильки глаза твои, друг мой ненаглядный, Оттого вся жизнь моя скучна, неприглядна“.

Понравились ей хоровая, заунывная, как степь в лунную ночь, „Участь“ и волнующее и даже грозное „Не смущай“.

Она смутилась, когда ее заставили, встать и выпить бокал вина, когда всѣ смотрѣли на нее и цыгане пѣли:

„Наденька, Наденька,
Как вы хороши,
Любит Вас бароша наш
Ото всей души“.

Но от этого смущенія ей стало веселѣе и она сама заставляла отказывающуюся Ольгу Ивановну встать и выпить, когда хор пѣл:

„Оля, Оля, пей до дна,
Подольем еще вина“.

Сам виновник торжества, барон был в прекрасном настроеніи и даже не ходил мечтать на балкон. Он ухаживал за дамами, заказывал пѣсни и

даже как будто подпѣвал, хотя слуха у него никакого не было, и он ни один мотив, пожалуй, кромѣ сигналов, напѣвать не мог.

Перед отъѣздом Надѣ показывали достопримѣчательности „Самарканда“. Его прелестный старый сад, большую пустую, холодную даже лѣтом, залу с большим прострѣленным зеркалом и всѣ кабинеты с разбитыми жалобными піанино. Показали даже кабинет, „гдѣ застрѣлился студент“. Впереди шел Алей с канделябрами, хотя уже начинало свѣтать. Надя подошла к піанино и взяла аккорд, и в этом полусвѣтѣ или полутьмѣ раздался такой звенящій грустный звук, что она отдернула руку, точно боясь вызвать привидѣніе.

— Отчего он застрѣлился? — спросила она.

— А кто его знает. Говорят, от безнадежной любви. Приѣхал один, позвонил по телефону, заказал вино и хор и застрѣлился.

„Навѣрное из-за цыганки“, подумала Надя, и ей стало жалко неизвѣстнаго студента.

Послѣ отъѣзда Долговых и Нади, стало много шумнѣе и веселѣе. Барона поздравляли, еще пѣли цыгане и много пили.

Потом шли провожать утром цыганок, кого в Новую Деревню, кого на Черную рѣчку.

Барон возвращался усталый и довольный вмѣстѣ с Николенко. Когда они проѣзжали мимо готической церкви Іоанна Мальтійскаго на Каменном островѣ — „Красенькой церкви“, как ее называли цыгане, — Николенко полушутя предложил здѣсь и вѣнчаться, а оттуда в „Самарканд“.

— Это хорошо, — сказал задумчиво барон. — А может быть можно так сдѣлать, чтобы во время свадьбы пѣл цыганскій хор? Ты что думаешь? Только, вѣроятно, нужно разрѣшеніе митрополита?

Когда перед сном Ольга Ивановна вошла в Надину комнату в чепчикъ и пеньюаръ с веселым вопросом: — Ну, как тебѣ понравились цыгане? — Надя повернула к ней заплаканное лицо.

— Надюша, как тебѣ не стыдно. О чем ты плачешь?

— Ничего, тетя Оля. Это так, это их пѣсни меня разстроили, — сказала она, обнимая ее и пряча свое лицо в кружевах пеньюара.

Ольга Ивановна вздохнула, перекрестила ее и пошла спать.

Г Л А В А Х.

Исайя плачет...

Обошлось без разрѣшенія митрополита, хотя против этой фантазіи спорили и Ольга Ивановна и Петр Петрович.

Свадьбу все-таки сыграли с цыганами. Предпріятіе это было не легкое. Нанятый регент с трудом мог наладить хор на молитвенный строй. Нот, как извѣстно, цыгане не знают, славянскій язык тоже, а учиться — никогда не учились. Приходилось учить с голоса, и нерѣдко можно было видѣть цыганку в „Самаркандѣ“, репетирующую под гитару „Гряди, гряди, голубица“.

Кромѣ того спѣвки бывали на квартирѣ барона, гдѣ регенту было особенно трудно заставить себя слушаться. Иногда его приводила в отчаяніе та лихость, с которой цыгане подходили к пѣснопѣніям.

— Пойми ты, — кричал он на баса, — что это тебѣ не Крамбамбули.

Послѣ спѣвок часть цыган чаще всего оставалась у барона и шло гуляніе.

Вот против этого-то и протестовала главным образом Ольга Ивановна.

— Нѣтъ, вы ужъ меня оставьте, — говорил барон твердо. — Все будетъ прекрасно, и это никогда не дѣлалось. А Богъ проститъ. Не такой я уже великій грѣшникъ, да кромѣ того неизвѣстно, кто грѣшнѣе: цыгане, или полковые пѣвчіе. Вѣдь они православные, а я знаю, что во многихъ хорахъ поютъ и не православные. Вотъ это грѣхъ, а моя свадьба не грѣхъ съ цыганами или безъ нихъ... А вы не знаете, чѣмъ я обязанъ цыганамъ.

Ольга Ивановна уступила и не стала торговаться. Ея начало тяготить это ожиданіе свадьбы и приготовленіе къ ней. Надо было торопиться.

Баронъ нанялъ новую квартиру, прекрасно ее обмѣлировалъ и самъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дня свадьбы.

Надя за послѣднее время совершенно успокоилась и Ольгѣ Ивановнѣ даже не нравилось это излишнее спокойствіе.

— Какъ будто это и не ея касается — говорила она мужу.

— Она права, — отвѣчалъ Петръ Петровичъ, вѣдь она даже не знаетъ, какую роль будетъ она играть въ этомъ предпріятіи.

Мальчишникъ барона былъ отпразднованъ съ подобающей широтой и блескомъ, но въ то же время онъ носилъ и характеръ прощанія полка съ барономъ. На этомъ настаивалъ самъ женихъ. вмѣстѣ съ холостой жизнью, онъ хоронилъ и полковую, и свой мундиръ. Онъ уходилъ въ отставку. Поэтому-то настроеніе на мальчишникѣ было скорѣе меланхолическое и часто раздавались такіе пѣсни, какъ „Послѣдній ноябрьскій денечекъ“ или „Прощай ты, Новая Деревня, прощай цыганская семья“. Вѣрный своей мысли о смерти, баронъ торжественно и честно, какъ все, что онъ дѣлалъ, прощался со старой жизнью.

* * *

Сама свадьба прошла очень скромно. Таково было желаніе Нади и Ольги Ивановны. Баронъ по-

пробовал заартачиться, но его убѣдили, что так лучше.

Надя была очень хорошенькой в подвѣчном платьѣ, но очень блѣдной. Всю ночь она проплакала. Ей не было жалко разставаться со своей однообразной дѣвичьей жизнью, она не сомнѣвалась в своей будущей свободѣ, она ни в кого не была влюблена, но ей было жаль той любви, которой не было.

Как это ни странно было, одно то объединяло новобрачных. Уже старый барон и эта молоденькая дѣвушка, соединяя свои жизни, мечтали и вздыхали о любви.

Утром она взяла себя в руки и почти не плакала. Ольга Ивановна всплакнула, когда благословляла ее, и когда за невѣстой пріѣхал пор. Николенько, первый шафер барона, Надя была почти веселой.

В скромной домовой церкви было сравнительно немного народа и у подъѣзда даже, кажется, не нашлось дежурной бабы в платкѣ, которая бы „пожалѣла“ невѣсту.

Цыгане пѣли из рук вон плохо, не знали слов пѣснопѣній, басы рывкали, а цыганки дѣлали совершенно неожиданные ударенія, так что полковой священник о. Николай остался недоволен бароном за его выдумку. Особенно он разсердился, когда во время поздравленій цыгане не выдержали своей роли и, слившись с гостями, пошли поздравлять молодых и чокаться с ними.

Барон в мундирѣ и при своих скромных орденах был почти величественен, а Надя совсѣм с собой справилась, улыбаясь и чувствовала себя полковой дамой и баронессой.

Зато послѣ скромной свадьбы, свадебное пиршество было поставлено широко. Обѣд состоялся в верхнем большом залѣ „Медвѣдя“. С невѣстиной стороны было мало народу, но зато со стороны жениха был весь полк, жены г. г. офицеров и множество знакомых барона.

Конечно, кричали „горько“, но было это без особаго подчеркиванія. Надя краснѣла, но поцѣлуй барона был так отечески - корректен, что она совершенно растерялась.

Послѣ обѣда она выходила на площадку и смотрѣла на зал, и видѣла, что всѣ на нее смотрят. Невѣста у „Медвѣдя“ была все — таки рѣдким явленіем, а раздававшаяся из верхняго этажа музыка хора трубачей всѣх интересовала. Надѣ нравился этот нарядный большой зал, нравилось, что на нее смотрят, и она была в прекрасном настроеніи духа.

Послѣ обѣда большинство гостей поѣхало на квартиру к молодым, гдѣ танцовали и гдѣ пѣли цыгане. Разошлись всѣ поздно ночью, пожелав еще раз счастья молодым.

— Хорошій человѣкъ наш барон, — говорил один из офицеров, выйдя на Моховую, — и как он ее любит. Любит ли она его? А сегодня она была прехорошенькая.

Когда молодые остались одни, барон поцѣловал ручку Нади и простился с ней.

Уйдя в свою комнату, возбужденная тревогами дня, вином и танцами, Надя посмотрѣла на себя в зеркало, с сожалѣніем сняла подвѣсочное платьѣ и подумала: „Что же, вѣдь он мнѣ и до свадьбы цѣловал руку“.

Э П И Л О Г .

Мертвый в гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущій.

На этом заканчивается исторія нашего барона. Видите, послѣ этого ничего особеннаго не случилось кромѣ неожиданной смерти барона через 6—7 мѣсяцев послѣ свадьбы.

В одно сѣрое утро Савва вошел в спальню барона, чтобы разбудить его, но так и не мог этого сдѣлать.

Душа барона Бодэ фон Боденштейна отлетѣла, оставив его тѣло во снѣ.

Предчувствіе смерти не обмануло его, и она была милостива к тому, кто ждал ее так спокойно. Ни в чем, ни в положеніи тѣла, ни в лицѣ барона не было видно борьбы за жизнь. У него были только нѣсколько удивленно подняты брови, точно он говорил своей гостьѣ: — а, вы уже пришли?

Похоронили барона на Александрo - Невском кладбищѣ и поставили временный деревянный крест. Когда вскрыли завѣщаніе, то выяснилось, что оно составлено необычайно точно и подробно. Душеприказчиком своим он назначал Петра Петровича Долгова.

Имѣніе свое и все свое имущество он оставлял своей вдовѣ, баронессѣ Надеждѣ Николаевнѣ Бодэ фон Боденштейн, за исключеніем отдѣльных, довольно крупных сумм, Саввѣ и на всякую полковую благотворительность.

Я не брался рассказывать жизнь вдовы барона. Знаю только, что еще нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти она все еще была вдовой и про нея ничего дурного не говорили. Жила она больше за границей.

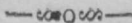
На памятникѣ, по желанію барона, было написано:

„Здѣсь покоится тѣло гвардіи ротмистра барона Николая Ивановича Бодэ фон Боденштейна, скончавшагося счастливым 22-го марта 19...“

С другой стороны, тоже по его желанію, было написано: „Мертвый в гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся, живущій“.

Ольга Ивановна настояла на том, чтобы была и третья надпись:

„Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят“.

«Скупой рыцарь.»

Как молодой повѣса ждет сепданія
С какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный к вѣрным сундукам,
Счастливый день!..

„Скупой Рыцарь“ А. С. Пушкина, сц. 2-я

На Елизавету Николаевну нападала иногда меланхолия.

То чувство, что она „еще“ молодая и ее размышленія перед зеркалом, когда она оставалась одна в своей спальнѣ, иногда не давали ей сосредоточиться ни на чем, кромѣ этого „еще“ молодая, „еще“ красивая, „еще“ интересная.

Вся жизнь ея так сложилась, что была она молодой, красивой и интересной и эта мысль об этой обидной прибавкѣ „еще“ иногда угнетала ее. Конечно года шли и нельзя сказать, что бы она переживала их тихо и без волненій, конечно она не могла быть такой молодой.

„Каждой женщинѣ столько лѣтъ, сколько ей могут дать.“

Разумѣется это так, и Елизавета Николаевна сидѣла перед зеркалом, совсѣм почти раздѣтая, и думала о том, „а сколько лѣтъ мнѣ можно дать?“

Все, что нужно было для сохраненія этой молодости, дѣлалось, но по лѣни своей она не могла прибѣгать к героическим мѣрам. Бывало так что она, задумавшись перед зеркалом и осмотрѣвъ себя со всѣх сторон, рѣшала: с завтрашняго дня буду ходить каждый день пѣшком.

Она вставала болѣе или менѣе рано и уходила в Булонскій лѣс, благо он был не далеко, и шла своей молодой походкой по аллеям и чувствовала, что ей и тридцати лѣтъ дать нельзя. Но в Парижѣ

она не переносила одиночества, и Булонскій лѣсъ ей надѣдал, она брала такси, возвращалась домой, телефонировала своимъ друзьямъ и кончалось все тѣмъ, что она съ большимъ аппетитомъ завтракала въ ресторанахъ или у себя среди тѣхъ мужчинъ и женщинъ, которымъ и въ голову не приходила мысль: „а сколько лѣтъ Елизаветѣ Николаевнѣ.“

Всѣ были они слишкомъ воспитаны и близки ей по возрасту и по положенію, а молодые люди просто таяли подъ ея обаятельной улыбкой и немного близорукими глазами — голубовато зеленоватыми.

Vert bouteille, говорила она, а одинъ грубый человѣкъ сказалъ, что глаза ея цвѣта стекла старыхъ бутылокъ отъ лимонада. Эти глаза особенно вечеромъ такъ горѣли и такъ искрились, точно за этимъ зеленымъ хрусталемъ игралъ какой-то огонь.

Но, все-таки иногда ея размышленія передъ зеркаломъ, приводили ее къ меланхоліи, и она тогда уѣзжала къ „себѣ“ на свою тихую виллу въ 20 километрахъ отъ Парижа, чтобы „принять ванну въ прошломъ“, какъ она себѣ говорила.

Она назвала свою виллу „Скитъ“. Сюда она уходила отъ своей шумной жизни.

Въ этомъ году весна была, какъ пьяная. То свѣтило солнце, небо было голубое и становилось жарко, то вѣтеръ, подобравъ откуда-то тучи и облака собиралъ ихъ надъ Парижемъ и рвалъ ихъ въ клочья, гуляя по его улицамъ, хлопая окнами, дверями, срывая шляпы и ломая зонтики, въ то время, какъ дождь злился и веселился надъ пѣшеходами.

Меланхолія рѣдко нападала сразу на Елизавету Николаевну, она накапливалась потихоньку и, когда она становилась острой, тогда она уѣзжала, чтобы остаться одной дня на два, на три. Меланхолія смѣнялась просто скукой и опять тянуло къ жизни — въ Парижъ.

Наканунѣ отъѣзда она предупредила своего сторожа-садовника о пріѣздѣ. Незначительное обстоятельство возмутило ея спокойствіе.

К ней позвонил по телефону старый прятель, друг и сослуживец ея перваго мужа (она была замужем три раза). Не видала она его много лѣтъ. Они поговорили нѣсколько минут, и ей сдѣлалось так тоскливо, точно она поговорила с покойником. Он все помнил!

Он знал, что когда-то все тот же первый муж называл ее Ли. Это Ли к ней привязалось с дѣтства.

Совсѣм маленькой она себя так называла. Лиза казалось длинным и трудным. Потом уже, когда она была барышней это Ли было не просто Ли, а Lee - по англійски, протяжно.

Старый дипломат хотѣл ее повидать, но ей вдруг стало страшно своих воспоминаній, и она рѣшилась ему сказать, что она уѣзжает и будет только через два, три дня в Парижѣ.

„От него ничего не скроешь, будешь вспоминать, переживать“ думала она, „уж лучше пойду в свой скит, и одна все вспомню.“

Ли, потом ее называли Ли, но никогда не Лиза, не Лиза и, не дай Бог, Лиля.

Ли выдумал тот англичанин, который послѣ смерти ея мужа в Японіи, послѣдовал за ней. А она не торопилась и ѣхала в Россію вокруг Южной Америки через Англію, Скандинавскія страны в Петербург. Смерть мужа на нее так подействовала, что она хотѣла разсѣяться.

Об этом вспомнила Елизавета Николаевна в своем автомобилѣ, сидя с Машей-горничной, по дорогѣ в свой „Скит“.

„Как это было давно, и зачѣм он пріѣхал. Что может быть хуже этих свидѣтелей дней былых.“

Весна на эти вечернія полчаса была милостива и, они пріѣхали к обѣденному времени, не попав под дождь.

Вилла стояла на небольшой дорогѣ, идущей вдоль холмов праваго берега Сены послѣ впаденія в нея Уазы. Елизавета Николаевна вышла на террасу и успѣла полюбоваться закатом солнца,

за холмом прикрывающим Mantes, которую так хорошо называют Mantes la jolie. Она прошла по саду спускавшемуся к дорогѣ, но поднялся вѣтер и вновь откуда-то посыпался дождь.

„Кушать подано,“ сказала Маша.

Елизавета Николаевна сѣла обѣдать. Ей нравилось, что она совсѣм одна, что никто с ней не говорит.

„Наберусь тоски и тогда, может быть, сдѣлаю какуюнибудь глупость. Уже давно ничего не было. Собственно говоря не так давно, но всетаки. А сегодня вечером читаю.“

Она рано отпустила Машу, прошла по всѣм комнатам, прошла в свою спальню, зажгла и потушила все электричество и стала раздѣваться. В комнатѣ было тепло и все было полно уединеніем и чѣм то точно чужим. „Ни одного портрета, никакого признака моей жизни. Здѣсь всѣ жить могут. Здѣсь нѣтъ меня, нѣтъ ни меня, ни Ли.“

Она смотрѣла на себя в зеркало и находила себя красивой. Немного пополнила, но это пройдет послѣ Виши. Подбородок надо убавить и бочка. Она прищурила глаза, и из зеркала блеснул зеленый огонек.

„Кто это сказал мнѣ, что зеленый огонь означает, что путь свободен. А я отвѣтила, что красный огонь в глазах бывает только у альбиносов. Да это тоже давно было.“

Елизавета Николаевна одѣла широкій японскій халат и занялась дѣлом.

* * *

Она вытащила из маленькаго сейфа небольшую серебряную шкатулку, сѣла за свой стол и задумалась. Каждый раз, когда она возвращалась к своему прошлому, на сердцѣ у нея была тягучая и какая то длинная тоска, но было в ней что то манящее и болѣзненно-сладостное.

Никто не знал почему Ли, как ее многіе еще называли, уѣзжает к себѣ на дачу. Сюда она по-

что никогда никого не приглашала. Рза два в год она устраивала большіе обѣды и вечера, когда она тоже бывала одна в этой толпѣ приглашенных.

Никогда никакой близости она не допускала в своем „Скиту.“

Когда болѣе нескромные знакомые Ли, подозрѣвавшіе, что этот „Скит“ ни что иное, как „гарсоньер“ этой свободной богатой, красивой и „еще“ молодой женщины, спрашивали ее, почему она туда ѣздит и зачѣм ей нужна эта вилла, она отвѣчала.

„Вѣдь были же у нас подмосковныя.“

* * *

Ей конечно не вѣрили и думали, что в этом „Скиту“ и проходит вторая таинственная жизнь Елизаветы Николаевны...

Воображеніе рисовало какія то оргіи, загадочныя связи, может быть даже это был „притон“ для курильщиков опиума или для болѣзненнаго разврата.

Этих подозрѣній она не разсѣивала и сплетен не опровергала и казалась она еще болѣе загадочной и привлекательной.

* * *

Если бы кто нибудь из ея друзей мог видѣть ее в этот весенній ненастный вечер, полуодѣтую за своим письменным столом перед своей „шкатулкой с прошлым“, может быть, ей бы и повѣрили, но никому она не говорила об этом, прислуга тоже ничего не знала.

Стол ея стоял против зеркала, и она задумчиво смотрѣла на себя. Медленно проходили какіе то призраки, точно из этой шкатулки просачивались какіе то чудесныя облака, мечты, и они заполняли весь в оздух и дурманили голову.

На минуту ея глаза, притянутые ея отраженіем, затуманились. Она закрыла лицо руками и

точно задремала.

Когда она открыла глаза на нее из зеркала смотрѣла та настоящая молодая Ли торжествующая и беззаботная. Она улыбнулась самой себѣ и открыла шкатулку.

В ней лежали вперемежку письма в конвертах и без конвертов, написанныя разными почерками, на разных языках и на разных бумагах.

„Мой Пантеон“, подумала она, помѣшала рукой среди бумаги и вытащила письмо написанное хорошим четким почерком.

Письмо, которое попало ей было от первого мужа. Письмо незначительное. Ей и не приходилось почти расставаться с мужем.

Совсѣм еще дѣвченкой „выскочила“ она замуж за этого уже не совсѣм молодого дипломата. После медоваго мѣсяца они уѣхали через Америку в Японію. Он был лѣтъ на 20 старше Ли, ей было тогда едва 18 лѣтъ. Два года слишком прожили они в Японіи и вдруг он заболѣлъ и как то стремительно умер, как умирают на востокѣ.

Он писал ей незадолго до смерти из Пекина, куда он был вызван. Писал о дѣлах, о своем скором возвращеніи и еще о каких то пустяках. Елизавета Николаевна хотѣла даже разорвать письмо, настолько оно было пустое, но вспомнила о пріятелѣ мужа и положила его обратно в шкатулку.

Она наклонилась над ней и стала быстро перебирать письма.

Она взяла письмо написанное по англійски краткое и прощальное.

My dear Li!, когда человек думает о тѣх, кто ему дороже всего, трудно не спросить себя: имѣешь ли право отрѣзать свое существованіе от них. Но с вами, Li!, это не то. Все это только воображеніе. Развѣ я мог играть какую нибудь значительную роль в вашей жизни. Едва-ли.

Я буду страдать, потеряв вас, но это неминуюемо. У меня должно хватить смѣлости и рѣши-

мости. Я не отрицаю того, что общеніе с вами было полно для меня очарованія, против котораго я и не думаю бороться.

Но мнѣ кажется ужасным то, что я в вашей жизни только проходящая тѣнь.

Так тяжело болѣе не видѣть и не слышать вас. Я не имѣю никаких прав на вас. Вы ничего не общали мнѣ, ничего не должны мнѣ, но все-таки попробуйте сдѣлать что нибудь, что вы никогда не дѣлали, попробуйте сдѣлать так, чтобы ваша жизнь была полнѣе. Полюбите „ту декорацію, которую, тѣ кто живет, зовут жизнью.“ Какая это горькая иронія моей судьбы, просить у вас любви к чему-то. Прощайте дорогая. Я вас не могу не любить.“

“А он тогда не надолго уѣхал“, подумала Ли, торжествуя. “Я выдержала характер. Я была в Лондонѣ и нарочно не сказала об этом ему и телеграфировала с пристани возвращаясь в Россію стихи Байрона

Fare thee well, and if for ever

Then for ever fare thee well.

(В добрый путь, а если и навсегда — добрый путь). А через недѣлю он был в Петербургѣ на колѣнях передо мной, и как сейчас, я сидѣла против зеркала, и гладила его прелестные немного завивавшіеся волосы и глядѣла на себя. Когда он поднял лицо от моих колѣн и увидѣл мою улыбку, он не сразу понял в чем дѣло, но оглянувшись, он увидѣл зеркало и тогда понял и стал злым и грустным.“

Почему она не вышла за него замуж.

Он был и красив и богат и нравился ей. “Пожалуй больше чѣм нравился“, подумала она и улыбнулась зеркалу.

Может быть поэтому и не вышла замуж, потому именно, что он очень нравился, потому, что она жила с ним.

Ей казалось, что раз уже жертва (полно, жертва-ли?) принесена, как дико было бы покрывать

это законным браком и уснащать законной ревностью.

Второго мужа она и не успѣла ни полюбить, ни разлюбить. Вышла она замуж вскорѣ послѣ этой англійской исторіи, чтобы поставить предѣл безумству этой любви. „Это надо было, сама не знаю почему, но надо было.“

„Муж знал, что я его „не люблю любовью“, но он на что то надѣялся...“

С ним у Елизаветы Николаевны была большая переписка.

Он был старше ея, занимал хорошее положеніе в военном мірѣ и охотно перемѣшался, оставляя ее одну, точно провѣряя себя и ее.

* * *

Она взяла одно из его писем, написанное четким мелким почерком, ни в чем не напоминающем его внѣшность, его характер.

„Дорогая моя Лиза, я знаю, что вы не любите, когда вас так называют, но откровенно говоря, я не люблю вашего дипломатическаго и экзотическаго Lee и ваше Lili отдающей англійским Slang'ом. Сегодня у меня было множество дѣл. Мой генерал совершенно затуркал меня, и я едва освободился только к вечеру. Он уѣхал в имѣніе к знакомым, а я поздно вечером взял автомобиль и поѣхал в Ялту на сутки. Послѣ завтра большіе авіаціонные и морскіе маневры. Мой генерал будет на броненосцѣ, а я буду атаковать его с авіаторами. Он не любит летать, а я не люблю моря, т. е. люблю его как сейчас, из окна моей комнаты, как люди любят картины Айвазовскаго. А сегодня настоящій Айвазовскій при лунном свѣтѣ. По моему положенію я не должен быть поэтом и даже луну должен разсматривать с точки зрѣніе тактических удобств или неудобств, но я дѣйствительно размечтался этим чудным вечером во время моей поѣздки. Всюду столько красот, что я не мог не думать о вас. Я иногда даже думаю, что и

люблю я вас, как люблю море Айвазовскаго. Не самое море с его бурями, вѣтрами и качкой, а именно отраженіе его красоты. Так, может быть, люблю я и вас только как отраженіе прекраснаго, и вы как и море, по правдѣ говоря, далеки от меня. Кто знает, если бы у вас был такой художник, как у моря Айвазовскій или как у Доріана Грея — его портретист Уайльд, я полюбил бы не вас а ваш портрет.

Вот видите как я размечтался. Я даже становлюсь сантиментальным что тоже не приличествует моему положенію.

Кузьма Прутков сказал, что „камергеры рѣдко наслаждаются природой“, я думаю, что я был бы прав, если бы сказал, что офицеры генеральнаго штаба не должны наслаждаться природой. Поэтому желаю вам спокойной ночи и цѣлую вашу руку.“

Тут же рядом была короткая записка.

„Сраженіе состоялось. Моряки утверждают, что мы совершенно уничтожены, мы же авіаторы и сухопутные артиллеристы увѣрены в том, что мой генерал и вся эскадра пущены ко дну. Во всяком случаѣ было очень интересно, но я не думаю, что это было похоже на войну.“

Елизавета Николаевна положила обратно письма и опять стала рыться в шкапулкѣ.

Она не долго прожила с мужем, тогда у ней и был ея „большой роман“. С мужем она разошлась спокойно и по дружески. Он просил не настаивать на разводѣ ввиду того, что это могло бы помѣшать ему по службѣ и дѣйствительно выговорил себѣ ея прекрасный портрет, на котором она была еще красивѣе чѣм в дѣйствительности.

Елизавета Николаевна уѣхала за границу и вернулась перед самой войной. Большой роман затихал и только рѣдко вспыхивал, но развод стал совершенно необходимым. Она опять стала совсѣм свободной женщиной.

Перед ней было большое письмо, и она читала его отрывками, зная его хорошо.

„По природѣ своей, вы можете только мучить людей. В вас нѣтъ самого существа любви, ея жертвы и ея рѣшимости. Все в вас, радость моя, прекрасно, все увлекательно и головокружительно и в счастьи быть с вами все от омота. Но вы конечно не тихій омут и чертей, можетъ быть, в вас не водится, но ваше очарованіе хуже всякаго чертовскаго. Ваша дружба, которую вы так гостепріимно протягиваете, жаждущему любви, отравленный напиток этой же любовью а то, что вы считаете любовью это род казни египетской. Как хорошо, что вы не жили во время св. Антонія, одним святым было бы меньше“ „И это то прекрасно в тебѣ, и когда ты ушла от меня сегодня, я прекрасно знал, что без тебя я жить не могу, что каждую минуту я должен быть с тобой, что мнѣ все равно, и я понять не могу почему нужны еще какія то проволоочки и условности. Чего-же ждать? Вѣдь ты не только говоришь о любви, ты доказываешь свою любовь. Вѣдь это не какое нибудь увлеченіе. Ты просишь меня не писать тебѣ и ждать. Чего? Твоего рѣшенія, рѣшенія твоего мужа или еще чего нибудь...“

„Я смотрю на свою комнату и мнѣ кажется, что час тому назад ты была здѣсь со мной, что я держал тебя этими руками, что к этой рюмкѣ ты прикасалась своими губами. Все это невѣроятно и так тянет к тебѣ...“

Елизавета Николаевна взяла другое письмо.

„Как мнѣ тяжело не видѣть и не писать вам. Когда же я узнаю ваш адрес. Что это за игра? И вот я пишу вам даже не зная, когда и куда я пошлю вам эту пачку писем, которыя я готовлю в прок. Не может же быть, чтоб наша встрѣча была случайной. Гдѣ же мистика любви в которую вы вѣрите? Неужели как в старом водевилѣ „сбѣхались, перепутались и разбѣхались...“

Это было бы глупо до обиды. Чем чаще (а это кажется нельзя сдѣлать) я думаю о вас, тѣм чаще передо мной все тот же вопрос. В чем же дѣло? В чем ваша тайна?

Я согласен на то, чтобы никогда вас об этом не спрашивать, но сегодня я не могу больше терпѣть неизвѣстности. Я пошлю это письмо так, что оно Вас найдет, и я и умоляю и требую отвѣта...

„Письмо я не послал, не рѣшился. Вѣроятно это глупо. Но я знаю, что я его все-таки пошлю в тот день, когда я узнаю гдѣ вы, и когда оно навѣрное не будет вам нужно. Впрочем, вы может быть, коллекционируете письма...”

* * *

Елизавета Николаевна задумалась и вновь глаза ея потерялись в ея отраженіи. „Гдѣ он сейчас,” думала она. „Может быть жив, женат и счастлив, или все еще думает обо мнѣ.” Да, давно это было, как она потеряла его из виду. Столько лѣтъ никакой вѣсти о нем. Вѣроятно умер.

Она с жадностью раскрывала одно письмо за другим, прочитывала их цѣликом или иногда только находила любимую фразу. Два три письма она отложила в сторону и улыбнувшись почти громко сказала.

„Надо отвѣтить.”

Не торопливо Ли взяла бумагу и перо и хотѣла отвѣчать этим забытым письмам.

Но воспоминанія не давали ей сосредоточиться и, отложив бумагу, она вновь стала читать.

Ея второй муж был убит во время войны, но она не вышла замуж за свой „большой роман.” Он то продолжался, то исчезал. Года три назад она вышла замуж, за итальянца моложе ея, который подарил ей эту вилу, надѣлал множество глупостей и через год с восторгом развелся.

„Дорогая моя,” писал он ей, получив ея письмо о согласіи на развод. „Как я счастлив и

как вы великодушны. Увѣряю вас, что я так же счастлив, как в тот день, когда вы согласились быть моей женой. Я готов надѣлать тысячу глупостей. Помните, моя небесная любовь, как я чуть не убил вас на автомобилѣ на радостях. Так счастлив я и сегодня, сію минуту. Я цѣлую ваш портрет и ваше письмо. Как жизнь прекрасна! Год блаженства, восторгов и настоящей даже утомительной любви, нѣсколько вспышек гнѣва, эта прекрасная дуэль, гдѣ мы — и я и мой противник и вы были так благородны, точно мы были на сценѣ, потом охлажденіе и развод, простой, спокойный без упреков, без слез и без всяких пошлостей. Нѣтъ, вы геніальны и великодушны. Нельзя пить до отчаянія, а я пил вашу любовь до полного пьянства, до безумства, а вот сейчас у меня нѣтъ даже угара. Только еще больше любви, к жизни, к свѣту и к своей радости.

О дѣлах говорить сегодня не буду, для этого и у вас и у меня адвокаты. Дѣлайте что хотите, я вам вѣрю, еще больше чѣм раньше. Одно бы я только хотѣл — это чести еще раз подраться за вас на дуэли. Все равно с кѣм и на чем. Хоть на пушках. Если этого нельзя, то попросите вашего будущего друга, который будет драться (без этого, ангел мой, вы были бы не вы) позвать меня секундантом. Я хочу видѣть, так ли они будут смѣлы и так ли благородны как мы. Обѣщаете?

Цѣлую колѣнопреклоненно край Вашего платья, другой награды я не достоин и кромѣ того я опять надѣлал бы глупостей. Я не смѣю желать вам счастья.

Нельзя пожелать Богу быть милостивым и солнцу быть свѣтлым.“

Елизавета Николаевна улыбнулась и подумала: что ему можно было бы отвѣтить. Гдѣ теперь этот милый безпокойный сумасшедшій?

Дѣйствительно этот год жизни был чѣм то совершенно невѣроятным. Муж был слишком молод и каким то вихрем, закрутил свою Монну

Лизу, как он ее называл „Такіе мужья“, подумала она „невозможны.“ Это еще допустимо для любовника, от котораго можно отдѣлаться, но замуж выходить за человѣка с таким темпераментом совершенно невозможно.

От этого сумасшедшаго года Ли не сохранила писем. Кто бы мог писать ей в этот головокружительный год. И дуэль — то была из за, показавшаяся слишком долгим, поцѣлуя руки.

Вот послѣ этой дуэли Елизавета Николаевна поняла, что надо уходить от этой любви и от этой невозможной жизни, и это ей удалось.

Пожар этой страсти был как деревенскій огонь в тихую погоду, захватившій отдѣльный стог соломы. Посидѣлъ добрый человѣкъ покурить, потушил папиросу и пошел себѣ своей дорогой.

А через минуту взлетѣло пламя и безвѣтренным вечером высоко и плавно поднимался дым к небу и люди стояли вокруг и безсильные и в тоже время увѣренные в том, что это еще хорошо, что рядом построекъ нѣтъ и вѣтру нѣтъ. Погорит, погорит, сожрет огонь без остатку солому и точно уйдет в черную обугленную землю.

Послѣ этого пожара Ли стала осторожнѣе, и это видно было и по послѣдним письмам, которым она сдѣлала честь оставить в „своем Пантеонѣ“. Они были сдержанные, иногда насмѣшливые, но ни в одном из них не было страстных мотивов.

„Вот тут то я, вѣроятно, и начала стариться“ подумала она и вспомнила одну милую невинную вспышку.

В нее влюбился, случайно встрѣтившійся с ней молодой художник. Про него друзья говорили, что он будет знаменитым, но был он дерзок в своем искусствѣ и слишком скромн в то же время, чтобы она могла заказать ему свой портрет, как он ее об этом просил.

Он утверждал, что это будет его счастьем, его Маскоттой, что это нужно ему, чтобы добить-

ся славы, что послѣ этого портрета он проснется знаменитым.

Был он очень скромным и очень молодым. Раз Елизавета Николаевна с одной из своих подруг побывала у него, чтобы посмотреть на его работы. Нищенская обстановка его жилья оттолкнула ее. Никакой поэзии в этом грязном чердакѣ она не нашла. В „Богемѣ“ Пуччини эта артистическая нищета была гораздо интереснѣе.

Художник был мрачен и обижен.

По добротѣ сердечной она на какой то совершенно независимой выставкѣ купила одну из его картин, и он тогда умолял ее разрѣшить ему сдѣлать хотя нѣсколько набросков с нея у ней на квартирѣ.

Нехотя, она согласилась. По первым эскизам ей показалось, что выходит хорошо и она раза два позировала для него. Он был ей симпатичен.

Он был совсем не глупым молодым человѣком, довольно образованным и с ним во время сеансов было не скучно. На нѣкоторое время Елизавета Николаевна уѣзжала и, вернувшись, вызвала его.

Пришел он восторженный и обнадеженный и умолял ее пріѣхать к нему. У ней ему трудно писать, ее постоянно отвлекают, и ему нужно только, чтобы она посидѣла хотя бы один час, чтобы закончить портрет.

Елизавета Николаевна согласилась и брезгливо поднялась по скверной лестницѣ в его седьмой этаж.

Художник был взволнован и горѣлъ надеждой.

Полузакрыв полотно он сначала показал ей только голову, и ей показалось, что дѣйствительно это было хорошо, но когда он торжествующе открыл всю картину, она с ужасом увидѣла себя почти голой — вот так как она сейчас сидит перед зеркалом.

Мгновенно у ней мелькнула мысль, что все это сдѣлано для шантажа, и она с убійственной холодностью спросила, какая цѣна портрета.

Он растерялся от этой холодности, пробормотал что то и вдруг заговорил о том, что он виноват, но что он иначе ее себя не представляет, что он ее любит, что он без ее любви покончит с жизнью ..

Она еще болѣе холодным тоном и почти грозно повторила:

„Сколько?“

Тогда он сказал, что ему ничего не нужно, что он никаких денег не возьмет от нея, что он ее любит и без нея жить не может.

На мгновение ей стало его жалко, но он объяснил это по другому, схватил ее и поцѣловал.

Елизавета Николаевна была женщиной рѣшительной и сильной. Она рѣзко оттолкнула его и пошла к дверям.

Он стоял посреди мастерской как потерянный. В самых дверях она обернулась.

Дверь на лѣстницу была открыта, она была в безопасности, да и вид у художника был жалкій и убитый.

„Еще раз спрашиваю вас,“ сказала она, „сколько вы хотите за картину. Я сейчас же вам выдам чек. Иначе я буду думать, что вы это сдѣлали с цѣлью шантажа.“

Это слово точно распаленной сталью пронзило его сердце, он закричал:

„Шантаж! Чек! Вы чудовище!“

И с озвѣреніем, схватив нож, он исполосовал им портрет, в то время как Елизавета Николаевна бѣгом спускалась по лѣстницѣ.

В автомобилѣ она попудрила свое раскрашенное лицо и успокоилась.

„В общем ничего такого страшного не случилось и напрасно было так драматизировать положение,“ думала она.

„А портрета жаль, он очень был хорош. И мальчишку жаль. Как он рѣзал этот портрет. Хорошо еще что не меня. Вдруг еще, дѣйствительно, сдѣлает с собой что нибудь.“

Через два дня она получила письмо, которое теперь лежало перед ней.

* * *

„Я очень виноват перед вами и, хотя мнѣ до боли жалко мой портрет, я все-таки виноват перед вами. Но вы слишком далеки от меня, чтобы быть мной обиженной.

Нельзя обижаться на нищаго а я нищій в полном смыслѣ этого слова. Согласитесь со мной, что на голоднаго человѣка обидиться могут только глупые люди. А вы и прекрасны и умны. Но это не значит, что вы меня простите.

Несомненно, что то, что я сдѣлал невозможно простить. Я вел себя нахально, а это непростительно.

Когда вы убѣждали от меня, и я остался один перед моим несчастным портретом я рѣшил покончить с собой. Но как?

Броситься с седьмого этажа страшно. Зарѣзаться перочинным ножом очень трудно. Отравиться? Но у меня не было денег чтобы купить отравы.

Вам богатым людям хорошо. Купили себѣ ціанистаго калия, или сѣли в благовонную ванну и острым стилетом перерѣзали себѣ вены, или застрѣлились. Всѣ эти возможности у вас под рукой.

Я подумал было повѣситься, но это выходило бы через чур театрально, и вы пожалуй сказали бы, что и это шантаж, т. к. могли бы найти ключья портрета, могли бы вас увидѣть у меня на лѣстницѣ. А тут еще ваш великолѣпный автомобиль. Вас допрашивала бы полиція, и вы бы меня ненавидѣли.

Тогда я ушел из дому рѣшив застрѣлиться. Я долго шатался по улицам не зная как быть. Пойти к пріятелю попросить одолжить револьвер было глупо. Никто бы не дал. Украсть в магазинѣ бессмысленно, так как послѣ этого нужно

было просить и патроны. Тогда я рѣшил занять денег и купить револьвер. Но и это совсѣм не легко было. Кромѣ того уже стало поздно и магазины закрывались. Утопиться я не могу, потому что плаваю как рыба.

А в это время ужасно захотѣлось ѣсть. Я в этот день ничего не ѣл.

Тут опять явилось рѣшеніе покончить с собой. Это острое чувство униженія перед вами, голод и боязнь консьержи, которой я давно не платил, окончательно меня привели в отчаяніе, и я рѣшил пойти к одному человѣку, к которому я ненавижу обращаться за деньгами и который никогда мнѣ не отказывает в них.

Всю ночь я проболтался по улицам и рано утром, не спавши, я очутился у него. Он как всегда не отказал мнѣ и посмѣялся надо мной. Ему и в голову не приходило, какіе у меня планы. Он был увѣрен, что я попал в какую нибудь ночную неприятную исторію.

С деньгами в карманѣ я твердо пошел в оружейный магазин, но они еще были закрыты и мнѣ так захотѣлось ѣсть, что я зашел в кафѣ. Вѣдь надо же было и написать предсмертныя, письма. И вот тут мой голод меня спас. Я ѣл как людоед и, насытившись хотѣл писать письма, но бессонная ночь сдѣлала свое дѣло и я заснул за столиком сидя.

Когда меня разбудил хозяин, я конечно уже мог бы купить револьвер, но вмѣсто этого спросил себѣ вина и остался, как видите, жив.

Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это. Простите, прелестная Джіоконда, и забудьте вашего неудачника Лонардо да Винчи.

Елизавета Николаевна рѣшительно собрала всѣ письма и положила их в свою шкатулку. Потом она взяла бумаги и хотѣла отвѣтить. Кому?

В той же шкатулкѣ лежали отдѣльно ея письма, которыя она никогда не отправляла и не перечитывала. Это были как бы записки ея раз-

мышлений. Подведение итогов впечатлѣній этой встрѣчи с прошлым.

Зачѣм писала она эти отвѣты, она так и не знала?

Она их и не перечитывала никогда, т. к. тѣ были интересныя, вызывали бурныя воспоминанія, иногда томленіе и желанія.

Поэтому то ей нравилось это купаніе в прошлом, вызывавшем в ней прежнюю Ли.

* * *

В зеркалѣ, отражавшем только ее и пустоту сосѣдних комнат, вдруг мелькнул огонек и погас.

Точно зажгли и потушили спичку.

Елизавета Николаевна почувствовала, что ее обдало каким-то жутким холодом страха перед чѣм-то неминуемым.

Встать, крикнуть?

А вдруг это воображеніе, вдруг это Маша?

Мысли пронеслись как растрепанныя груды облаков в бурную ночь и тут в столовой в сосѣдней комнатѣ со спальней зажглось электричество.

„Кто там?“ крикнула она по французски.

Ли думала, что она это крикнула, но сама услышала, что это был какой-то чужой, придушенный голос.

Выйти из спальни можно было только в гостинную, значит, идти на встрѣчу опасности.

В это время она услышала насмѣшливый и негромкій голос.

„Всѣ звонки перерѣзаны, не подумайте кричать“.

Электричество в столовой погасло и через мгновеніе в дверях показался человек.

Половина лица его была повязана платком, на глаза была надвинута фуражка. В руках был револьвер.

„Одно слово и я вас сожгу (je vous brule) — убью. „Руки вверх““.

Ли как стояла, подняла руки, не спуская г. лаз

с полузакрытых глаз грабителя и с дула револьвера.

Кимоно ея открылось, но она не смѣла его запахнуть перед револьвером.

„Не шевелиться, и не шумѣть, моя красавица. Если бы у меня было больше времени, мы хорошо провели бы время, но сейчас мнѣ некогда, как — нибудь в другой раз“.

Говорил он внятным шопотом.

Не отводя револьвера от нея, он подошел к ней и поцѣловал ее, но так, чтобы не быть слишком близким к ней.

„Теперь два шага назад. Как жаль, что так мало времени. Ключи!“

„Сейф открыт“ все еще чужим голосом сказала Ли.

„Без глупостей“ сказал он и с необыкновенной ловкостью забрал все, что лежало в сейфѣ.

„И это все“?

Глаза его и дуло револьвера бѣгали по ея голому прекрасному тѣлу, руки у ней затекали, но Ли точно окаменѣла от страха.

„Это все?“ повторил он грозно.

„На столикѣ мои кольца“ тоже шепотом сказала Ли.

„Это хорошо, моя красавица, но этого мало. Что еще есть. Я не шучу“.

„У меня здѣсь ничего больше нѣтъ“.

„Привычной охапкой он забрал в карман ея небольшое ожерелье и кольца, которыя она сняла, перед тѣм, чтобы раздѣться.“

„А это что?“ вдруг спросил он, указывая на серебрянную шкатулку с письмами.

* * *

Но в это мгновоніе, что то неожиданное случилось с Ли. Она бросилась на него несмотря на револьвер и мгновенно вырвала у него из рук шкатулку.

„Нѣтъ, это брось,“ сказал все еще шепотом

грабитель и попробовал схватить ее за горло свободной рукой.

Но откуда-то у Ли появилась страшная сила, той же шкатулкой она ударила его по рукам и револьвер выпал на пол.

Ли бросилась к нему и далеко отшвырнула его ногой.

Но грабитель успел схватить шкатулку.

„Ты мне дорого заплатишь за это“, прихрипывая, говорил он, стараясь поймать ее горло, но Ли уже была другой,

Это была воительница и неукротимая.

Нет, только не это.

Ее письма, ее прошлое, ее любовь в руках этого грязного негодяя, может быть шантаж, даже не это было ужасно, а чувство, что самое дорогое для нее, самое тайное вдруг окажется в чужих руках.

К черту брильянты и деньги, но ведь это все невозвратно, как молодость. Перед этой мыслью ее охватил какой-то ужас, священный трепет и это придало ей новые неожиданные силы.

Негодяй совершенно не ожидал такого поворота дела, эта испуганная, беззащитная, послушная минуту назад женщина, вдруг преобразилась на его глазах в разъяренного и смелого прекрасного зверя.

Любоваться ей ему не приходилось, хотя она была прекрасна в эту минуту. Если женщина так защищает шкатулку, то значит, что в ней в десять раз больше ценного чем там ценности, которые были у него в кармане.

Но Ли не отпускала его, ему трудно было отбиваться от нее одной рукой, шкатулка была тяжелая и мешала, а ногти Ли уже окровавленные были острыми когтей любой птицы. Она сорвала с лица его платок и кричала в каком-то изступлении, почти голая, расцарапанная.

Он все старался схватить ее за горло, но она

увертывалась с необыкновенной ловкостью, борясь за шкатулку.

В это время из сада раздался протяжный свист, грабитель бросился к окну, но Ли вновь схватила шкатулку и отнимала ее, царапая свободной рукой лицо и руки своего врага.

Раздался второй и болѣе тревожный свист и как будто слышался шум в домѣ.

Надо было бѣжать от этой тигрицы и спасти свою кожу хотя бы цѣной шкатулки. Он ударил ей Ли по головѣ бросил шкатулку и выпрыгнул в окно.

Ли от удара упала на колѣни над своим секретом.

Прошлое была спасено.

* * *

Почти в то-же время в комнату ворвались жандармы, садовник, и перепуганная Маша.

Странное зрѣлище представилось им.

В комнатѣ был полный беспорядок, стол и стулья были повалены. Из открывшейся во время борьбы шкатулки на пол выпали всѣ письма, а Ли почти голая, окровавленная, не понимая того, что она дѣлает собирала с полу эти письма своей молодости, на которыя капали багровые капли крови из ея разсѣченного лба.

Конец.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Барон	7
„Скупой рыцарь“	75

Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камкина.
68 Route Vallon, apt 41. Shanghai.

НАШИ НОВИНКИ:

- Б. Дальній. „Все, что было“..... Роман.
2.00 мекс. долл.
Н. Колесников. „Суворов“ - Военно - историческій
очерк. 1.00 мекс. долл.
Ю. Братов. „Повѣсть об одном генералѣ“ —
2.00 мекс. долл.

НА СКЛАДЪ:

- Гинс, Г. К., проф. - Право и сила —
„ „ „ - Этические проблемы современ-
наго Китая.
„ „ „ - На путях к государству буду-
щаго.
„ „ „ - Очерки торговаго права Китая.
Валуа, Ж. - Реалистическая политическая
экономія.
Стоддард, Л., проф. - Бунт против цивилизаціи.
„ „ „ - Бунт под-человѣка.
Хэнкинс, Ф., проф. - Біологическіе факторы со-
ціальной жизни.
Никифоров, Н. И., проф. -
Сенъеріальный режим во Франціи в исходѣ ста-
раго порядка.
Пос обіе к лекціям по новѣйшей исторіи Западной
Европы.
Рязановскій, В. А., проф. - Монгольское право.

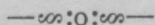
(См. на оборотѣ)

Очерки стран Дальнаго Востока:
Вып. I. - Собственный Китай.

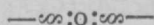
Вып. II. Външній Китай.

Вып. III. Японія, Корея, Индо-Китай. Филиппины.

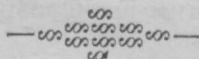
Федоров, Н. Ф. - Философія общаго дѣла.
Вып: I, II, III.

Читайте роман Бор. Дальняго
— НА БЕРЕГАХ СУНГАРИ —

Выписывающіе со склада за пересылку не
платят.
Книготорговцам — обычная скидка,

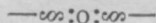

**Библіотека Книжных Новинок
В. П. Камкина и Н. Г. Малык.**

63, Route Vallor, ap^{re}. 4re. Shanghai

Всѣ книжныя новинки. Доставка книг на дом.

**При библіотекѣ первокласная переплетная и окан-
товачная мастерская. Работают опытные рус-
скіе мастера. Быстрое выполненіе заказов.**

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

„За Родиной“ — Героическая эпоха Добровольческой армии. Впечатлѣнія журналиста. Берлин. Изд-во О. Дьяковой.

„Фазан“ — Роман. Париж. Изд-во „Возрожденіе“.

РНБ Русский фонд.

94-4

1583